ПИОНЕР

ES LEBE
DIE ROTE JUGEND!

ROTE FRONT!

№ 18
1929 г.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

НОВОСТИ

За последнее время в журнале наблюдаются разные новости.

Новости эти не первые, потому что писалось о новостях и раньше, смотрите хотя бы № 12 журнала. Но вместе с тем это и не последние новости, так как, если вы и в будущем будете читать „Пионер“, то увидите в нем еще не одну новость.

ПЕРВАЯ НОВОСТЬ, с которой вы уже знакомы, это то, что нет больше „Бумеранга“. Так, что это даже не новость. Одно ясно: был „Бумеранг“, а теперь его нет.

Почему же его нет? А нет его вот почему: раньше в „Бумеранг“ помещались самые разнообразные заметки. И о том, как заснул Алай, и об опаздываниях в школу, и о перевыборах советов, и о книжном походе и т. д. и т. п. То есть писалось о чем попало.

Потом редакция подняла обсуждение нескольких вопросов („кем я хочу быть“, „почему я не пионер“ и пр.). Большинство деткоров стали писать свои заметки на эти темы. И вот мы и решили вместо „Бумеранга“ отводить 2—3 страницы этим заметкам.

Так что получилось даже лучше „Бумеранга“. Подумайте, читатели, сколько важных и интересных вопросов мы с вами обсудили на этих „небумеранговых“ страницах.

Однако, пора переходить ко **ВТОРОЙ НОВОСТИ.**

В „Пионере“ много писалось о пятилетке. И о значении пятилетки, и о плане великих работ, и об угле Кузнецкого бассейна, и об уральской руде и еще обо многом. Редакция не сомневается, что вам было очень интересно читать все это. Несмотря на это, редакция хочет порадовать вас второй новостью: на Урал командирован т. Хазин.

— А кто такой т. Хазин?

— Что он будет делать на Урале??

— А почему? А отчего?? А зачем???

Т. Хазин—журналист. Послали мы его на Урал для того, чтобы он познакомился там с капитальным (отнюдь не с капиталистическим) строительством и написал бы об этом в „Пионер“. Т. Хазин увидит два только что возникших города, он увидит... Впрочем, довольно! Не будем мы вам рассказывать, что он еще увидит. А то вдруг он на нас за это обидится и ничего не расскажет? Что тогда будет? А?

ТРЕТЬЯ НОВОСТЬ: помните мы вам обещали, что напечатаем в журнале доклад редакции „Пионера“ на слете? Вспомнили?

Ну так вот — никакого доклада мы вам печатать не будем.

А знаете почему? — потому что доклада редакции на слете не было. А писать о фактах, которых не было, может только буржуазная пресса.

Впрочем, между группой делегатов слета и редактором происходило товарищеское собеседование. Ребята, в общем, одобрили линию журнала и дали очень много ценных замечаний.

ЧЕТВЕРТАЯ НОВОСТЬ — самая таинственная, потому что рассказывать о ней мы сейчас не будем. О ней вы узнаете в следующем номере журнала, в котором будет помещена статья художественного редактора журнала „Пионер“ Н. Купреянова. Статья будет о рисунках. Вот эту-то статью вы и прочтите—тогда узнаете новость.

ПЯТАЯ НОВОСТЬ — веселая. Смейтесь заранее: в „Пионере“ снова появляется юмористический отдел. Писать в него будете вы сами. Впрочем, предупреждаем — если вы не будете писать, то и юмористического отдела не будет. Между прочим, сам Кузька обещал написать что-нибудь в этот отдел.

Кстати о Кузьке **(ШЕСТАЯ НОВОСТЬ!)** Кузька устал. Кузьке нездоровится. Только потому он ничего не говорит нам о своих последних подвигах и не собирается совершать новые. Все же, от работы в редакции он не отказывается. В этом номере он, например, редактирует отдел: „Кем я хочу быть“. В будущем номере тоже что-нибудь наредактирует.

Впрочем, проницательные люди подозревают, что Кузька врет, что будто бы он не уставал и не болен, а просто что-то изобретает.

Если он что-нибудь изобретет, то это будет **НОВОСТЬ СЕДЬМАЯ.** Но так как Кузька пока еще ничего не изобрел, то седьмой новости и не будет.

СЕНТЯБРЬ
№ 18

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

ПРОСТОЙ РАССКАЗ

Комсомол балканских государств работает в самых тяжелых условиях. Фашистская диктатура в Югославии и Болгарии, боярский режим в Румынии и офицерская клика в Греции ежедневно истребляют революционеров. Виселицы, расстрелы и пытки — повсеместные явления в балканских странах.

В то время, когда молодежь СССР свободно празднует МЮД, десятками и сотнями тысяч выходя на улицу, шумом веселых песен, ликованием и радостью празднуя смотр своих успехов,—фашистские правительства капиталистических стран беспощадно расстреливают революционеров, подвергая их бесчеловечным пыткам и физическому уничтожению.

Об одном таком случае рассказывает нам югославский матрос—эмигрант.

Станко был человеком, которого искренний революционер не мог не любить.

Вот,—продолжал матрос, показывая на газету,—сейчас уже всем нами звестно, кого звали Станко.

Мы познакомились с ним в 1925 году. Я в то время работал кочегаром на большом торговом судне.

Был осенний день. Мы плыли по Дунаю. Через пять часов наше судно должно было подойти к порту небольшого города, где предстояла остановка на несколько часов.

Я с усилием бросал в топку лопату за лопатой скрипучего угля, который моментально разгорался, отбрасывая от себя снопы жара. Я задыхался в зное и черной пыли.

В этот момент подошел один из наших и сказал тихим шепотом:

— Сегодня вечером в городе будет собрание... Выступает Станко.

Вечерело. Мы прибыли в порт. Соблюдая конспирацию, собрались в условном месте.

Небольшая комната. Нас тридцать человек. Тесновато. Запах табака и пота тяжело давит на усталую грудь.

Тут я впервые увидел тов. Станко. Среднего роста, с правильным овалом лица, сильный, мускулистый, он в каждом движении своем являл решимость и волю. Впоследствии я узнал, что он любил спорт и много им занимался.

В этот вечер Станко говорил о наших ближайших задачах. Говорил он внушающим тоном, коротко и убедительно. Его правая рука короткими и напряженными жестами словно щупала что-то сверху и бросала на пол. Его глаза прищуривались и горели каким-то жадным огоньком.

Мне было жаль, что я не знал, кто такой Станко. К сожалению, и мои товарищи, которых я спрашивал о нем, мне ничего не сказали; возможно, они сами плохо знали его, а, может быть, не хотели нарушать правила нашего подполья.

Только спустя много дней я узнал о нем кое-что. Узнал, что он был в СССР. В Югославию вернулся недавно и начал энергично вести подпольную работу, будучи сам по-национальности словенец.

Прошло некоторое время и нас всех арестовали в Белграде.

Станко был арестован в своей временной квартире на улице Кралицо Наталья. У него было найдено много агитационного материала.

Нас свели в правление города, а потом посадили в „Главначу“.

Вначале нас разместили по одиночкам. Прием был тяжелым, невыносимым и бесчеловечным... Применяемым к нам пыткам не было конца.

Помню хорошо и наверно запомню навсегда: ввели меня в комнату; начался допрос. Сначала допрашивал Ачимович, шеф политической полиции. За ним вошли четыре шпика и взяли меня в оборот... После нескольких ударов я потерял сознание. Сколько времени все это продолжалось, не помню.

Прошло несколько дней. Я мог свободно вставать. Меня опять повезли на допрос к Ачимовичу. В его комнате на стуле сидел Станко. Правая сторона его лица была опухшей и темносиней. Руки его были скованы стальной цепью и при каждом движении издавали лязг.

Наши глаза встретились, и в его глазах я заметил потухающий огонек.

— Ты знаешь этого человека?—спросил Ачимович, поворачиваясь ко мне.

— Не знаю,— ответил я, по возможности, спокойно.

— А ты его?— обратился он к Станко.

— Нет,—сказал Станко равнодушно.

— Увидим сейчас, как будет молчать большевик „герой“,—сказал Ачимович, издевательски улыбаясь.

Меня вывели в соседнюю комнату. Через пять минут я услышал душераздирающий крик. Голос знакомый... Слышны были тупые удары. Палачи избивали Станко. У меня до боли сжималось сердце. Я встал и начал ударять ногой о дверь, так как и мои руки были также скованы.

Это был единственный и возможный протест.

Но в ту же минуту открыли дверь, и я упал, сшибленный сильным ударом в бок. Я впал в полусознание, и до меня продолжали доноситься ослабевающие стоны Станко.

Черес полчаса открылась дверь снова, и меня вывели в коридор, по которому двое полицейских тащили Станко. Он был без сознания. Ползущие носки его ботинок оставляли на полу кровавую нить. Сколько таких кровавых, бесконечных нитей протянулось по балканским тюрьмам?

После допроса и пыток меня из комнаты Ачимовича ввели в другую камеру, где находился один из наших, который также мне рассказал о перенесенных им мучениях.

Дни шли. И однажды утром нас перевели в „водную“ камеру.

Это мрачное, холодное болото, где нечем дышать и негде сесть.

На второй день я остался один. Всех остальных куда-то увели.

К полуночи заскрипел ключ, и дверь открылась. Несколько агентов внесли в камеру что-то тяжелое и неподвижное. Мне вначале показалось, что это труп. Приблизившись, я узнал Станко. Он лежал без сознания. Уже тогда у него были сломаны правая рука и несколько ребер.

Придя в сознание, он попытался рассказать мне о том, что произошло. Его слова вылетали с хрипом, голос часто срывался, и временами не было слышно звуков.

Но я понял все. Понял, что Станко мы потеряли, потеряли одного из лучших подпольщиков.

После долгих усилий он рассказал мне, что от него требовали, чтобы он назвал фамилии своих товарищей.

— Эти тупоумные, опьяненные кровью палачи, — говорил Станко дрожащим голосом, — даже не могут понять, что ни один большевик, ни один настоящий революционер никогда, ни при каких пытках не выдаст своих единомышленников.

— Я знаю, что они не оставят меня в живых. Но я умру с сознанием, что сделал все, что мог сделать революционер в моих условиях...

Больше он говорить не мог. Его грудь тяжело поднималась.

Я тоже молчал. Хотелось много сказать, но я не произнес ни слова.

Всю ночь он метался в бреду. Утром у него появился сильный жар. Глаза были красные и глубоко-глубоко из-под лба глядели двумя потухающими огнями. Лицо было бледно, на нем я временами улавливал горькую улыбку.

Наступал конец.

Вечером пришли и забрали его... Посмотрел еще раз на меня и сказал спокойно:

— Прощай, наше дело будут продолжать и доведут до конца пролетарии. Умереть для коммунистов не страшно. Наоборот, счастлив тот, кто может умереть за рабочее дело.

Он ушел, поддерживаемый двумя полицейскими. Ноги у него дрожали, голова склонилась на грудь. Двери захлопнулись, и я остался один.

Пытки над ним продолжались.

Через неделю стали разноситься слухи, что Станко переведен куда-то на лечение.

Как я говорил, у него были сломаны ребра, правая рука и перебита голень левой ноги.

Прошло несколько дней, и Станко был возвращен в „Главначу“.

В день 1-го Мая его опять подвергли мучениям: его избивали, выдергивали волосы, кололи иголками под ногти...

Мне повезло: я вырвался на волю из рук палачей, но о Станко я ничего не слыхал; ни на свободе его не было, ни в тюрьме.

И вот сегодня я вижу в газете, что товарищ Станко Владо Вульч, замученный и изуродованный, брошен в волны Дуная, и его кровь омывает берега Сербской, Румынской и Болгарской земель.

Матрос положил газету на стол. Встал, пытливым взглядом окинул нас и крепко, сжимая старую кепку, добавил громко:

— Станко больше нет. Но есть грядущая революция.

МИШКА В БЕДЕ

Рассказ Г. ЗАМЧАЛОВА
Рисунки К. КУЗНЕЦОВА

1

Первое время Гришка с Семкой ничего не видели и не слышали, даже думать ни о чем не могли. Целые дни, с утра до вечера, надо было бегать, кричать, что есть силы, заворачивать. А дни весной известно какие—долгие.

Зато ночью и отдохнуть было некогда. За день Гришка с Семкой набегаются, придут вечером домой, как побитые. Станут разматывать онучи — сами клюют носом, а сами думают: хорошо ночью! Телят нет, никто тебя не тревожит, развалишься на соломе и спи себе до утра. Но не успевали они глаз завести, как уже слышали над собой ненавистный, скрипучий голос старухи, Семкиной бабушки:

— Ребята! Гришка, Семка, вставайте, иттить пора.

И снова надо было заматывать онучи. Руки, вялые, сонные, не слушались и долго возились с каждым лаптем. В голове еще стоял ночной дурман. Глаз нельзя было разодрать. Часто, обув по одному лаптю, они засыпали. Их будили. Они вскакивали, торопливо заканчивали одевание, но в самый последний момент опять засыпали.

На выгон шли задами, напрямки. В потемках натыкались на жердяные перегородки, и оба думали одну и ту же думу: „Эх, если бы дождь. Да сильный, с градом. А то, еще лучше, снег бы выпал. Тогда уж остались бы дома. Вот бы выспались!

У выгона сон проходил окончательно. Начинался новый, длинный и трудный день: беготня, шум, крики и заворачивание.

И вдруг все это кончилось. Кончилось так, что ни Гришка, ни Семка этого не заметили. Не заметили, что старшие перестали выходить в поле, и они остались со стадом вдвоем. Не заметили, что телята привыкли к полю, к траве и к тому, чтобы ходить вместе. Как-то они сошлись на одном конце стада и стали разговаривать. Поговорили немного, потом оба вместе вскрикнули:

— А телята-то?!

И по привычке кинулись в разные стороны. Но телят будто подменил кто. Они растянулись по склону горы и спокойно щипали траву. Бежать было некуда, заворачивать—некого. Гришка с Семкой остановились. Посмотрели на телят, друг на дружку, опять на телят. Семка даже рот разинул от удивления.

— Что это они?—спросил он Гришку.

— Я сам не знаю. Надоело наверно. Им тоже, думаешь, легко? Они еще больше нашего бегают.

2

С этого дня пасти стало легче. Гришка с Семкой сначала не знали, что же им делать? Ведь, это же не шутка—такой длинный день. Если ничего не делать, то можно с тоски подохнуть. Кинулись было на сон. Решили по очереди—один будет спать, а другой пасти. Но, как нарочно, спать теперь не хотелось. Гришка в первый же день отказался. Семка один день почти весь проспал, аж глаза опухли. Зато после этого он ночью и то спал плохо.

Тогда они стали придумывать всякие игры и забавы. Пели песни, кувыркались, бегали на перегонки. Раз они увидали, как подрались два маленьких теленка. Уперлись друг в дружку лбами, жилятся, давят, а сделать ничего не могут. Ножонки у обоих дрожат, шеи гнутся. Точь-в-точь, как совсем крохотные детишки. Но вот один пересилил и сдвинул другого с места. Тот попятился назад, почти сел на землю. А этот нажимает все сильнее. Потом, наоборот, этот начал пятиться, а тот наступать. Потом оба сразу прыгнули в сторону, поскакали-поскакали боком и опять сошлись.

Гришке с Семкой это так понравилось, что они стали нарочно выбирать самых маленьких телят и стравлять их. А, глядя на них, они и сами начали друг с другом тянуться на палках и бороться. Семка был на год старше и считал себя сильнее, а перетягивал и борол всегда Гришка. Это злило Семку, дело дошло бы до драки, если бы Гришка не придумал новой, очень занятной игры—„в коней“. Каждый выбирал себе любого теленка—коня. Ставили их рядом, на левую руку закручивали хвосты, в правую брали по кнуту и пускались наперегонки. Чей конь перегонит, тот на полдня старший, что хочет, то и приказывает. А другой его должен слушаться.

После двух - трех таких гонок телята худели, начинали плохо есть и становились какими-то вялыми, словно больными. Но подпаски не замечали этого. Для них пока еще стадо было вроде неприятеля: с ним идет тяжелая, упорная война; а раз так, то и жалеть его нечего.

Но вот как-то Семка проиграл и со злости начал гонять своего коня. Гришка стоял и смотрел на них. Теленок начал выбиваться из сил. Бока у него взмокли, ноги еле передвигались. Уже два раза он падал на передние ноги. А Семка хлестал его кнутом все резче. Он и сам-то запыхался — вот-вот упадет, а бросить не хочет.

И вдруг в этом несчастном, замученном коне Гришка узнал своего старого приятеля. Это был

Намотают хвост на руку...

красивый, чистенький бычок, красный, с лысинкой на лбу. В первый день, на выгоне, Гришка надул его. Теленок жалобно ревел, искал глазами мать. Гришке хотелось погладить его, дать ему хлеба, а он не подпускал. Тогда Гришка сложил руки трубой, рявкнул по-коровьему—и он подпустил.

Сейчас бычок этот показался Гришке до того хорошим, родным и так стало жалко его, что он кинулся Семке наперерез, остановил его и схватил за рукав.

— Пусти, не трогай его! Я не буду старшим. И играть так больше не буду.

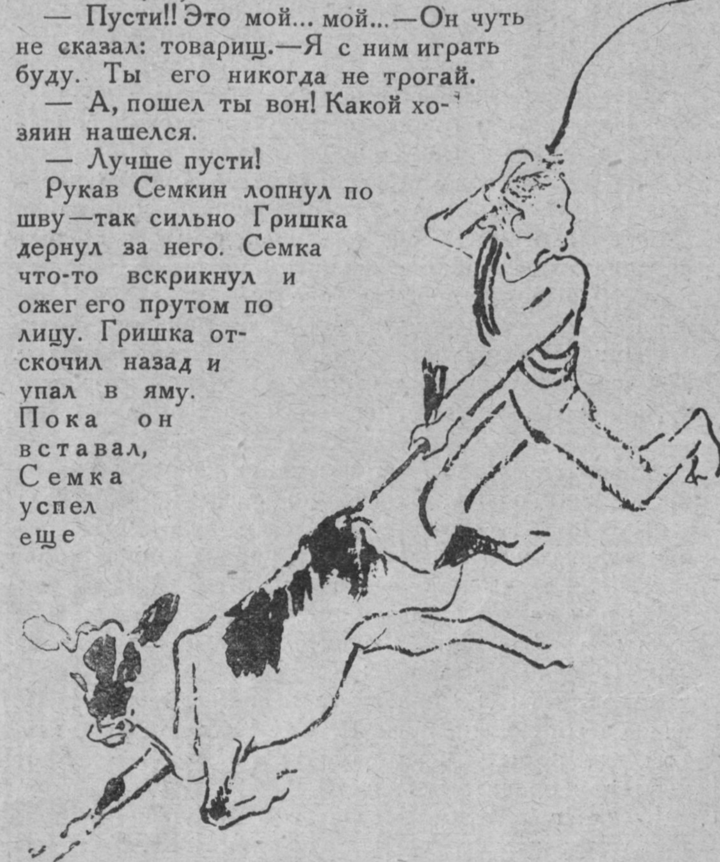
— Не лезь ты ко мне,—огрызнулся Семка.—Не твой конь, ну, и не лезь.

— Пусти!! Это мой... мой...—Он чуть не сказал: товарищ.—Я с ним играть буду. Ты его никогда не трогай.

— А, пошел ты вон! Какой хозяин нашелся.

— Лучше пусти!

Рукав Семкин лопнул по шву—так сильно Гришка дернул за него. Семка что-то вскрикнул и ожег его прутом по лицу. Гришка отскочил назад и упал в яму. Пока он вставал, Семка успел еще

... и несутся на перегонки.

четыре раза ударить его по спине, а потом убежал.

Все утро, до самого тырла он держался от Гришки подальше, на другом конце стада. Гришка сначала старался придумать, как бы его поймать. Но потом увидел, что из этого ничего не выйдет. „Ну, и пускай,—решил он,—не нынче, так завтра. Все равно попадется. Думает, я забуду? Как бы не так! Держи карман“.

На тырле он как только пообедал и отдохнул немного, отправился разыскивать бычка. Бычок лежал на половину в воде и вяло жевал жвачку. Глаза у него были закрыты. Гришка погладил его—он открыл их, поглядел и опять закрыл. На спине у него было пять штук длинных следов от семкиных ударов: три повдоль и два накрест, до брюха.

— Ну, погоди,—пригрозил Гришка вслух.—Это тебе отольется!

Семка зашел в шалаш. Гришка выждал, пока он забудется, потом тихонько, пригнувшись к земле, тоже побежал к шалашу. Но Семка, должно быть, следил за ним и удрал из-под самого носа. Гришка успел только крикнуть ему вдогонку:

— Лучше не бегай. Теперь тебе все равно край!

Он захватил кусок хлеба с салом и опять отправился к бычку.

— Теленочек, бычочек... Эх, ты, а как же его звать?

На языке у него завертелись разные названия бычков и быков, какие он знал: Лысый, Бобок, Колач, Калина... Нет, не годятся. Таких сколько угодно. А у этого должно быть особое, как ни у одного, и хорошее, ласковое.

— Мишка!—вырвалось вдруг у него.

Мишка, это один-единственный свой бычок, который был у Гришкиной матери. Его дали Михайлычевы за то, что мать у них вязала летом. Дома его все любили, а больше всех Гришка. Мать думала вырастить его, потом променять на корову. А он летом сдох. Пастухи прозевали. У него кровь, говорят, приступила, а они не обрезали ему ушей. Обрезали, да когда уже поздно было.

— Мишка, Мишенька, Мишучок,—радостно закричал Гришка и стал потчевать его салом. Бычок потянул головой, фыркнул раза два ноздрями и отвернулся.

— На, хлеба вот. Смотри, какой хороший: белый да вкусный.

На этот раз Мишка оказался сговорчивее: обнюхал, потом осторожненько взял губами и начал есть.

После обеда Гришка только и делал, что ухаживал за Мишкой. Если другие телята находили хорошую траву, он подгонял туда и его. Там, где хорошей травы было мало, он разгонял всех и оставлял одного Мишку. Если какой-нибудь ранний, уже большой теленок начинал пыряться с Мишкой, он выжидал: чья возьмет. И, когда побеждал Мишка, он насмехался над большим:

— Эх, ты! А еще лезет тоже. Куда тебе с Мишкой?

А чуть только брал верх большой, он сейчас же отгонял его кнутом:

— Уйди вон, дурак! Тебе знаешь с кем драться?— С быками. А ты к маленьким лезешь.

Семка управлялся со всем стадом один. Он уже раскаивался, что ударил Гришку, и теперь старался загладить свою вину. До вечера он много раз собирался подойти и попросить прощения. Но Гришка

все время так сердито поглядывал на него, что он не решался.

Домой гнали врозь. Семка держался подальше, готовый, если надо будет, перескочить через плетень и удрать на гумно.

3

Гришка оказался крепким на сердце. Все семкины попытки помириться кончались неудачей. Каждый раз, когда Семка кричал ему с другого конца:

— Гришка, давай бросим серчать. Я больше никогда не буду, ей-богу. Хочешь, ты целую неделю будешь старшим?

Гришка либо вовсе не отвечал, либо говорил:

— Вырежь такой прут, как у тебя был, и принеси мне. Я тебе всыплю и за себя и за Мишку, тогда помирюсь.

И для Семки началась не пастьба, а каторга. Ни поговорить, ни поиграть не с кем. Ходи, как проклятый, целый день сам с собой и думай. А думать тоже нельзя. Тогда в голову полезут товарищи, улица, купанье, уженье—да мало ли хорошего там в селе? Тогда хоть зажмуривай глаза и совсем беги от стада.

А Гришка занялся со своим бычком. Целый день возится с ним, кормит, играет, обучает всяким штукам, как собаку. Поманит его, он подходит. Положит его голову к себе на колени и начнет говорить все, что взбредет в голову—он слушает и будто понимает. Дня четыре прошло, он стал его учить ложиться. Подзовет и скажет:

— Ложись, Мишка. Вот сюда, ложись, ну!

Мишка не понимал и раз даже заревел: ммо-ах! Как будто жаловался, что ему трудно это. Но Гришка все-таки добился своего. Сперва силой заставлял, а потом Мишка привык и сам стал ложиться. А Гришка всякий раз за это угощал его всем, что ему удавалось выпросить дома для себя. Мишка приучился есть сахар и очень полюбил его. Переберн под ряд все стадо—ни один не станет есть, а он ел. И Гришка чуть не каждый день приставал к старухе:

— Бабушка, дай мне кусочек сахару. Свинопас на тырле чай себе варит. Мне тоже охота чай пить, а не с чем.

Семка хотел рассказать, для кого он просит, да боялся, что тогда и он расскажет про „коней“.

Через неделю или чуть побольше Мишка стал прибегать на голос. Гришка покличет его из самой середины стада:

— Миша, Миша, на!—он сейчас же отзывается:

— Мму-у-у! Сейчас, мол, иду. И правда, подбегает. А потом даже и без „на“ стал подбегать, на имя только.

Один раз конец стада зашел в хлеб. Гришка кинулся заворачивать его, а Семка тем временем тоже попробовал:

— Мишка, Мишенька! На, на, хлебец, вот, смотри.

Но Мишка на этот раз сделался глухим: даже головы не повернул. Семка аж губу прикусил от злости и потихоньку от Гришки кинул в него камнем.

Гришка так привык к Мишке, что не мог без него часу пробыть. Утром, как только выгоняли, он сейчас же искал его глазами, подзывал и начинал кормить. На тырле—первым делом искупает его, а потом уже купается, обедает и отдыхает сам. Вечером, как гнать домой, так он скорей смотреть: тут ли он, не пропал ли, не остался ли где? Про других иной раз и не подумает, а про него обязательно. Как же, разве можно про него забыть?

Через Мишку же они в конце концов и с Семкой помирились. Гришке давно хотелось похвастать перед ним, какой Мишка умный и как он все понимает. Но первому заговаривать ему было нельзя, а Семка уже и просить его перестал. Он все еще боялся и старался держаться подальше.

А тут вышел как раз подходящий случай. Выгоняли с тырла. Мишка был что-то невеселый. Гришка позвал его—он не откликнулся и хотя пошел на зов, но не как всегда, бегом, а тихо, важно, как большой старый бык. Наплевать, мол, мне на вас. Устал я, а вы пристаете.

— Что это ты?—удивился Гришка,—загордился, не смотрит даже.

Но когда он полез в сумку, Мишка попрежнему заревел, стал соваться мордой и мешал ему развязывать сумку. Гришка смеялся и уговаривал его:

— Сейчас, сейчас. Погоди. Ишь ты какой, набаловался.

Вдруг он вспомнил:

— Эх ты! Сахару-то, ведь, нет у меня. Я и забыл, что все отдал тебе. Как же мы теперь, а, Миша?

Вот тут-то Семка и подъехал. Он вытащил из своей сумки большой кусок сахара и, не глядя на Гришку, сказал:

— На вот, если хочешь, дай ему. Я давно стащил для него у бабки, да все забывал отдать.

Гришка насупился, сделал такое лицо—вот сейчас откажется—и взял. Больно уж удобный был случай показать Мишку. Тоже не глядя на Семку, будто его это и не касалось вовсе, он строго прикрикнул:

— Мишка! Ложись!

Мишка не ложился.

— Ложись, тебе говорят! Вот сюда.

Он нагнулся и похлопал рукой по земле.

— Ложись! Ложись! Ну?!

Мишка опустил голову и даже не пошевельнулся.

Семка, чтобы еще ближе подъехать, посоветовал:

— Ты сначала дай ему маленький кусочек. Пусть попробует.

Гришка подумал и откусил кусочек.

— Ну, на вот, попробуй! У, ты, дурачок.

Но Мишка, как в первый раз на сало, фыркнул и отвернулся. Гришка покраснел весь и заорал:

— Пошел тогда отсюда! Пошел!!

Гришка угощает Мишку сахаром.

И пнул его ногой в бок. Мишка все так же тихо, опустив голову, вошел в стадо.

4

После мишкиного провала Гришка обозлился и не мог выдавить из себя ни одного слова. Семка хотя шел с ним рядом и заговаривал, однако все время зорко поглядывал: кто его знает? Еще обернется да по-уху. От него все можно ждать.

Они перегоняли стадо с места на место, угнали далеко от села, на гору, за лес. Там остановились и долго пасли. Солнце опустилось низко над лесом, а Семка все еще не мог добиться от Гришки никакого толку. Наконец, он спросил:

— Скажи коль прямо: не хочешь со мной разговаривать, так не надо, и я не буду. А то просишь тебя, просишь...

— Нет, я ничего. Я хочу.

— Тогда что же ты молчишь? Серчаешь все. Думаешь, я сам не знаю, что виноват? И что Мишку зря мучил, знаю. Так, ведь, я же сказал, больше не буду.

— Нет, я не про это... Ты знаешь, какой Мишка? Он, брат... Это он только нынче что-то, а то он все понимает.

— Знаю. Я видал, как ты его обучил.

— Нет, не я, он сам это. Он, как человек. Ты еще не все видал. Он такие шутки знает—ты не поверишь.

— Давай его позовем?

Гришка просиял:

— Давай. Вот увидишь, я все тебе покажу. Миша, Миша!—Вот, слушай сейчас.—Миша!!

Мишка не отзывался. Они подождали немного, потом опять крикнули.

— Миша, на, на! Миша!

Опять никто не отозвался и не прибежал. Гришка вконец рассерчал.

— Вот пакость! Когда не надо, так сам бежит, а когда надо...

Он приподнялся на носках и стал оглядывать стадо.

— Я пойду, поищу его,—вызвался Семка.

— Не надо, сам придет. Еще ходить за ним.

Гришке самому хотелось пойти и посмотреть, где Мишка. Он начинал беспокоиться—не случилось ли с ним чего. Но из гордости он не хотел показать этого Семке. И он нарочно развалился на травке.

— Брось, Семка, не смотри. Ну, его. Набаловался очень.

Но пролежал он недолго. Ему не давала покою мысль: а вдруг, правда, с ним случилось что-нибудь! Мало-ли: в барак свалился, захворал, в лес зашел, а там волки... Он вскочил и будто так, от нечего делать, сказал:

— Пойду, за уши притащу. Уж я ему всыплю. Ишь, пакость...

Стадо рассыпалось по всей горе. Один конец его спустился вниз, к лощине, а другой подходил к лесу. Мишки не видно было. Внизу, рядом с каким-то рябым теленком ходил похожий—такой же красненький и росту подходящего. Гришка добежал туда—нет, не он. Тогда он побежал наверх, к лесу. Но там тоже не оказалось Мишки. Все телята паслись, а его не было. Не было его и в лесу. Гришка на километр кругом осмотрел каждое дерево и не нашел.

На место, к Семке он вернулся бледный, перепуганный.

— Семка! Мишка пропал.

— Как пропал? Брось ты, тут он где-нибудь!

— Нет, нету, я смотрел уж.

— А вон, внизу с рябым ходит.

— Не он это, я бегал туда.

— А на тот конец ходил?

— Ходил. И в лесу смотрел—нигде нету.

— Ну! Куда же он делся? Провалился, что ли?

— Не знаю. Я сам не знаю.

— Гришка, а он в эту яму, за большой дорогой, не упал?

— Сбегай, Семка, посмотри, ладно? Нет, давай, я сам лучше. А ты тут поищи, хорошо?

Яма была недалеко, километра за полтора. Гришка духом добежал до нее. Но она была пустая. По дороге кругом тоже ничего не было заметно.

— Уж не домой ли убежал?—подумал Гришка.— Да нет, он этого не сделает. Не такой он.

— Ну, что? Нет?—встретил его Семка.

— Нет. А у тебя?

— Тут тоже нет.

— Сема, давай еще раз посмотрим. Может, он лежит где-нибудь.

— Да чего же смотреть? Ведь мы уже смотрели.

— Ну, что тебе, трудно? Может проглядели.

Они вдвоем раза три обошли все стадо, заглянули во все ямки, за все бугорки и кустики. Мишки нигде не было. Теперь уже и Семка напугался.

— Как же мы?—спросил он, когда они снова сошлись вместе.—Узнают, ведь, дома.

— Как!—обиделся Гришка.—Искать надо, вот тебе и как. Тебе, самое главное, не узнали бы только. А как его волки съедят, тогда что? Они, сволочи, норовят самого лучшего... Ты вот смотри за стадом, а я пойду, может, найду где.

И он побежал по всем местам, где они побывали с телятами после обеда.

„Пропал,—все чаще мелькало у него в голове.— Обязательно пропал. Это его волки. Они, проклятые... А я ругал его, ударил давеча“...

Там, где стадо останавливалось надолго, он старательно обыскивал всю местность. Несколько раз ему показывалось где-нибудь очень далеко черное пятно. Оно шевелилось и было похоже на теленка. Гришка кидался туда, но, когда подбегал ближе, различал камень или куст.

Так он обыскал и облазил все поле, все бараки, кусты и ямки до самого тырла. Наконец, он совсем выбился из сил, потерял всякую надежду и поплелся обратно к стаду. Недалеко от Среднего барака стояла большая старая ветла. Когда Гришка проходил мимо нее, ему опять показалось, что под ней шевелится что-то черное. Он был уверен, что это опять какой-нибудь камень или куст. Ноги у него гудели и подходить к ветле не хотелось. Но он все-таки пошел.

Черное пятно было неподвижно. Гришка подходил к нему и злился.

— Ну, скорей же показывайся. Вот тоже! Обязательно ему надо, чтобы совсем близко подойти.

И вдруг он не увидел, а как-то почуял, всем телом почуял, что вот это черное, неподвижное пятно и есть Мишка. Он прыгнул вперед и со всей силой, какая в нем еще осталась, побежал к ветле.

5

Мишка лежал на голой, жесткой земле. Лежал как-то неловко, совсем не так, как всегда лежат телята. Одна передняя нога у него была подмята под себя, другая согнулась так, что копытце врезалось в землю и стояло торчком. Голова была понуро опущена, морда упиралась в землю, уши висели.

— Мишенька, Миша!—позвал его Гришка.

Он вяло приподнял голову, посмотрел так, как-будто перед ним ничего не было, и опять опустил.

— Захворал! Ах ты, ей-богу... Мишенька, родной...

Гришка обхватил его голову, начал гладить, прижиматься к ней щекой. Щеке не стало жарко, как становилось раньше.

„Должно быть, кровь приступила“, подумал он. И сейчас же перед ним, как живой, встал другой Мишка, тот, что сдох прошлым летом. „Того пастухи прозевали, а этого... Этого я вот тоже прозевал“.

У него защекотало в носу, по щеке скатилась слезинка, за ней другая.

„А что, если Мишке обрезать? Это ничего, что ему больно будет. Зато, может, потом полегчает“.

Он вскочил и полез в сумку. Хотя нож всегда был у Семки, он все-таки развязал, заглянул в нее и опять завязал.

— Как же теперь, а? — спросил он сам себя вслух.—Что же мне делать? До Семки бежать или в село—далеко. А тут оставаться – все равно не поможешь.

Он постоял в раздумьи и вдруг закричал истошным криком:

— Караул! Карау-ул!! Да караул же!

Но далеко вокруг не было ничего живого. И его, конечно, никто не услышал. Тогда он решился и побежал все-таки за ножиком.

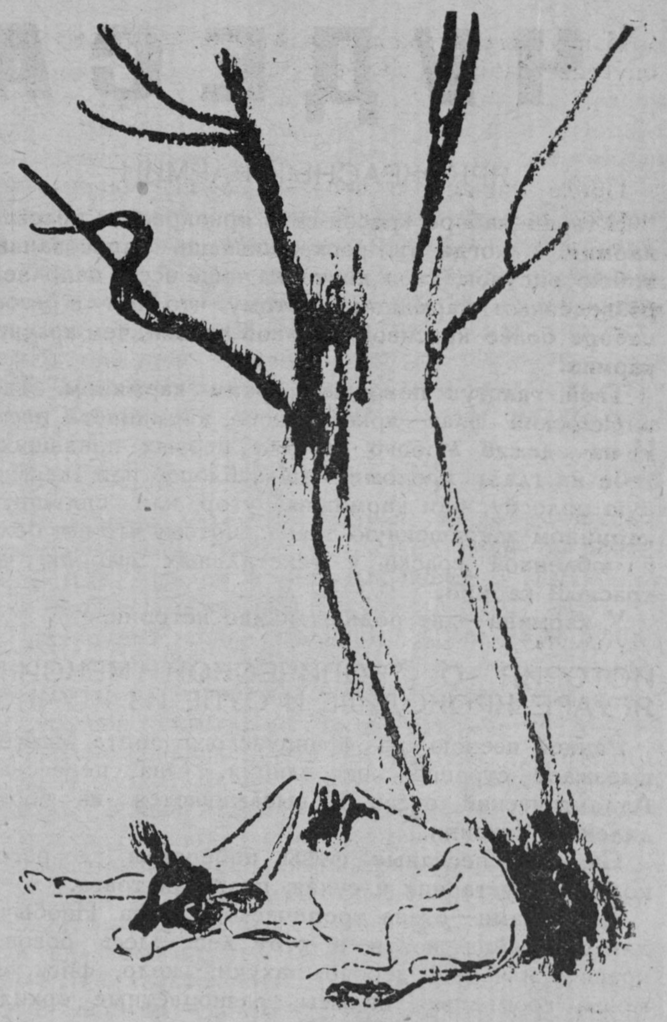
—Может, успею. Может, не сдохнет еще,—твердил он и бежал, бежал. Спотыкался, падал, а бежал. — Нет, сдохнет!

Его будто взял кто за шиворот, повернул и толкнул назад, к ветле. Мишка лежал все так же. Та нога, что изогнуто торчала, теперь совсем скрючилась. Гришке показалось, что она повыше копытца, в сгибе сломалась. Тогда он окончательно решил, что Мишка сдыхает. Из глаз у него хлынули слезы, ноги подкосились, и он повалился рядом с Мишкой на землю.

Когда он падал, Мишкино ухо мазнуло его по губам. Оно было мягкое, пушистое, а холодное. Гришка тихонько погладил его, поцеловал, зачем-то взял в рот. На вкус оно было солоноватое. „Это, наверное, я слезами его намочил“,—подумал Гришка.

И вдруг в голове у него словно вспыхнуло что-то. Он даже не успел сообразить, что это такое. Руки его сами собой еще больше всунули в рот ухо, а зубы со страшной силой сжались и прокусили его насквозь.

Он встал, подошел к Мишке и начал стукать пальцем по оборванному уху. Кровь закапала чаще, чаще, потом побежала ключиком. Мишка опять лег, но головы не положил на землю, как раньше.

Мишка неподвижно лежал под ветлой.

Тогда Гришка, зажмурив глаза, куснул второе ухо. На этот раз вышло хуже. Только в трех местах на ухе сделались дырки. Но из них все-таки показалась кровь, а Мишка снова застонал и вскочил на ноги.

Гришка от жалости готов был хоть самому себе откусить ухо. Но надо было отбивать кровь. И он стучал, стучал по обоим ушам и плакал. И совсем не видел, что делается кругом него. А кругом него был вечер, солнце давно уже улеглось за лесом, становилось темно. С поля ехал домой какой-то мужик на телеге. Он увидал Гришку с теленком, слез и подошел.

— Парень, а парень! Ты чего это с ним делаешь?

Гришка, давясь слезами, рассказал.

— Должно, кровь. Не иначе, как кровь. Ах ты, шут его! Ножичка-то я тоже не захватил... Ну, что ж, домой его надо. Да ты не плачь, может не сдохнет. Ишь, как ты ему ухо-то чище ножика. Эх, кабы еще одно.

Он подхватил Мишку под брюхо и отнес на телегу.

— Садись, подвезу.

— Мне нельзя. К телятам надо, а то Семка один с ними.

— К каким телятам? Они вон уже где, почесть в гумнах. Видишь, домой погнали. Садись!

У гумен Гришка слез и догнал Семку со стадом.

— А Мишка?—коротко спросил Семка. Видно было, что он сильно трусит.

(Продолжение на стр. 17)

ЧУДЕСА ХИМИИ

ОЧЕРК П. ЛОПАТИНА

ЯРКОКРАСНЫЙ КАРМИН

В твоем наборе красок есть яркокрасная краска—кармин. И когда ты раскрашиваешь нарисованный тобою рисунок, твоя кисточка чаще всего наполнена разведенным кармином. Потому что нет в твоем наборе более красивой и яркой краски, чем красный кармин.

Твой галстук покрашен ярким кармином. Твой пионерский флаг—яркокрасного, карминного цвета. И на одежде любого десятка первых попавшихся тебе на глаза прохожих ты найдешь или карминную полоску, или карминный узор, или сплошную, кармином закрашенную ткань. Потому что нет более излюбленной краски у текстильных фабрик, чем красный кармин.

У кармина—две родины и две истории.

ИСТОРИЯ О ТРОПИЧЕСКОЙ МЕКСИКЕ, ЯГУАРЕ, КРОКОДИЛЕ И СУПЕ ИЗ ЖУЧКОВ

Ранней весною из французского порта Марсель выезжает странная экспедиция. Она пересекает Атлантический океан и высаживается на берегу далекой Мексики.

Сначала—песчаные фоны побережья, где растет колючий кустарник и сухая, ползучая трава.

За дюнами—стена тропического леса. Необычно для европейца войти в этот лес. Здесь розовое, красное и черное дерево, пахучий кедр, фиги, мимозы, громадные пальмы, разноцветные орхидеи и вечнозеленые дубы. Здесь крошечные колибри и гигантские бабочки, разноцветные попугаи и смешные, носатые муравьеды. Здесь—красота, которая и не снилась европейцу.

Но зато здесь за каждым кустом, в каждой ложбине сторожит смерть. Кто поручится, что в листве этого вечнозеленого дуба не притаился ягуар? Кто скажет, что из этого болота, поросшего громадным папоротником, не высунется голова крокодила? И разве можно хотя бы одну секунду быть спокойным от нападения мексиканских змей или от укуса маленького ядовитого комара, несущего с собой заразу страшной тропической лихорадки?

Жизнь тропического леса полна смертельной опасности. И через этот страшный лес, топорами прорубая себе дорогу в гуще лиан, две недели идет экспедиция.

Среди сотен различных сортов кактусов европейцы ищут один кактус „напал“. И, найдя его, они начинают охоту. Они ловят живущих на нем маленьких, не больше 7 миллиметров длиной, толстых, бескрылых жучков „сошепиль“. Сотнями тысяч собирают они этих насекомых, тщательно запаковывают их в особые ящики и отправляются с ними в обратный путь.

Трупы мексиканских жучков привозят в Марсель и по железной дороге направляют в Лион—центр французской шелковой промышленности. Здесь аккуратно распаковывают ящики, кладут мертвых жучков в особые горшки и варят из них... „суп“. И этот застывший „суп“ из мексиканских жучков—твой яркокрасный кармин.

Так родилась твоя краска в далекой Мексике. Ее первая история знает ужасы мексиканского леса, смерть от тропической лихорадки, рваные, кровавые раны от когтей ягуара и тяжелый каторжный труд. Потому что надо поймать 140 тысяч жучков, чтобы получить 1 килограмм кармина!

ВТОРАЯ ИСТОРИЯ О КРАСНОЙ КРАСКЕ ИЗ ЧЕРНОГО УГЛЯ

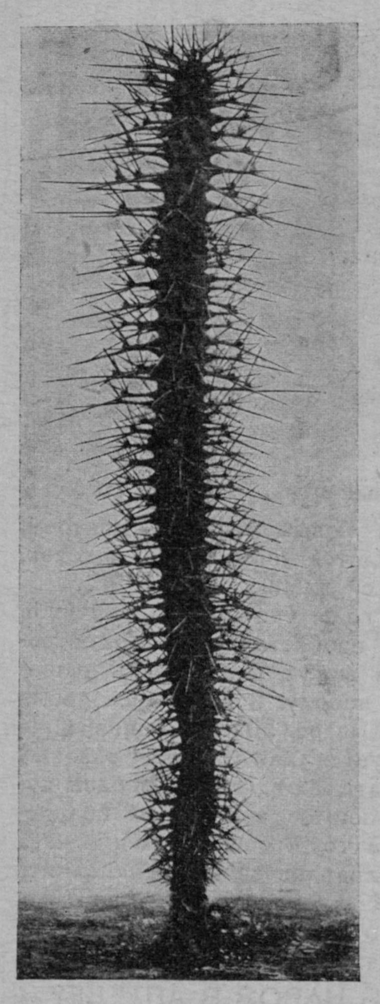
В этой истории нет ягуаров и лихорадки, нет смертей и ужасов тропического леса, нет даже кактусов и маленьких, толстых жучков. Здесь—только завод и прекрасно знакомый нам каменный уголь.

Представьте себе громадную заводскую печь. В нее вделано несколько десятков камер, длиною около 15 метров и шириною $^1/_2$ метра, наглухо закрывающихся чугунными, подъемными дверями. В камеры засыпают каменный уголь; от 7 до 10 тонн его помещается в каждой камере.

Когда камеры наполняются, их тщательно закрывают, малейшие отверстия замазывают глиной и начинают топить печь. Двое суток держат уголь в этой раскаленной докрасна каменной тюрьме. Он не может гореть: он отделен от воздуха кирпичной стеной и чугунными дверьми, а без воздуха не может быть горения. Но жар печи действует на него, и он начинает разлагаться.

Из дерева химик сделает шелк, порох, лекарство.

„Карминный" кактус „напал".

Сначала от него отделяется что-то черное, твердое, похожее на уголь. Это — кокс: он остается лежать на дне камеры. Но тут же из угля начинает выделяться газ. Химики ловят этот газ, по трубам направляют его в особые аппараты (приемники, холодильники, саруберы), и газ начинеет выделять из себя две жидкости: водянистую с запахом нашатырного спирта и темную, маслянистую, вонючую.

Из этой-то последней вонючей жидкости (каменноугольной смолы), которая долгое время была ненужным, обременительным отбросом, химики и ухитрились приготовить кармин. И их кармин оказался лучше прежнего мексиканского кармина: он ярче, красивее, прочнее. А главное—он дешевле его в несколько раз. Потому что для его производства не надо ехать в далекую Мексику, не надо подвергать себя опасностям в тропическом лесу, не надо ловить миллионов этих крошечных насекомых. Теперь кармин можно вырабатывать в любом городе—нужен только завод и каменный уголь.

Такова вторая, теперешняя, история твоего кармина, написанная хитроумной химией.

1 ГРАММ КРАСКИ ИЗ 10 ТЫСЯЧ МОРСКИХ МОЛЛЮСОК

Не только один кармин—все остальные краски твоего набора имеют такие же две истории: первую—до химии, вторую—после химии.

Вот синий индиго. За ним когда-то ездили в далекую Ост-Индию. Погому что только из листьев растущих там тропических деревьев умели вырабатывать эту краску. Теперь химики приготовляют ее из... нафталина, который, в свою очередь, получают из каменного угля. И новый „нафталинный индиго" не только в три раза дешевле, но и гораздо лучше и прочнее прежнего.

Вот кверцитон—желтая краска. За ней ездили в Малую Азию и собирали там кору особого дуба. Теперь ее делают из каменного угля, и она опять-таки и дешевле и лучше.

Вот, наконец, античный пурпур. Во времена Римской империи плащи цезарей и тоги сенаторов имели кайму, окрашенную этой краской. Она ценилась в те времена дороже золота. Потому что надо было поймать и переработать 10 тысяч морских моллюсок, чтобы получить 1 грамм этой краски. Теперь ее приготовляют из каменного угля, она стала более яркой и прочной и, конечно, в сотни раз более дешевой.

Эта новая химическая история получения красок дала возможность наладить громадное и дешевое красильное производство. Сейчас каждый год химики приготовляют 130 миллионов тонн красок 900 различных оттенков и сортов, которые в состоянии окрасить 30 мил. километров мануфактурной ткани. И для этого химики не едут в Мексику и Индию, не спускаются на дно морское за моллюсками, не ловят крошечных жучков: все 900 сортов этих красок они приготовляют из куска каменного угля.

Ты думаешь—только одни краски ухитрились химики изготовлять из каменного угля? Далеко нет!

ФОКУСЫ С КУСКОМ КАМЕННОГО УГЛЯ

Ты помнишь,—когда каменный уголь нагревался в замурованной камере громадной печи, он постепенно превращался в твердый кокс и газ. И вот тебе первый химический фокус.

Полученный кокс, смешанный с железной рудой, дает в доменной печи чугун. Газ же по трубам направляется в квартиры, где он стряпает пищу в новых газовых плитах, и на улицу, где он светит в газовых фонарях.

Но химик дальше продолжает свои фокусы с углем. При дальнейшей обработке газ выделяет из себя две жидкости: аммиачную воду и каменноугольную смолу.

Из аммиачной воды химик приготовляет нашатырный спирт, прекрасно известный всем нам, и сернокислый аммоний, который является прекрасным и питательным искусственным удобрением.

Из каменноугольной же смолы химик вырабатывает десятки самых разнообразных продуктов. Тут не только сотни сортов разноцветных красок. Тут духи и земляничное мыло, фотографические препараты и лекарство от сонной болезни и возвратного тифа, чернила и сахарин и, наконец, страшные взрывчатые вещества („мелиния", „лидит", „шимозе") и не менее ужасные удушливые газы, вызывающие слезоточение.

ШЕЛК, ЛЕКАРСТВО И ПОРОХ ИЗ ПОЛЕНА ДРОВ

Химик показывает свои фокусы не только с каменным углем: почти с любой вещью он может устроить самые разнообразные и удивительные превращения.

Вторая родина кармина находится глубоко под землей.

Из полена дров он приготовляет уксусную кислоту и древесный спирт, скипидар и деготь. Он делает из дерева формалин, которым дезинфицируют (обезвреживают) квартиры после заразных больных, и камфару, которая является распространенным лекарством. Он приготовляет из полена бумагу, на которой печатают книги и газеты, и для него не составит труда изготовить из того же полена бездымный порох.

Он делает, наконец, из щепок и опилок ленты для кино, гребенки, пуговицы, пластинки для фотографии и даже... искусственный шелк, который прочнее, дешевле и красивее естественного шелка.

Химическое чудо с поленом, быть может, еще более удивительно, чем чудесные превращения куска каменного угля.

Но не легко даются химикам их чудеса. Они кажутся слишком невероятными, слишком смелыми, и их творцам приходится часто вести жестокую войну с людским невежеством, с интересами заинтересованных промышленников и с попами, которые всегда старались загубить все молодое, свежее и смелое.

Вот тебе один из бесчисленных примеров.

МРАК НОЧИ, «БОЖЕСКИЕ ЗАКОНЫ» И ВОНЮЧИЙ ГАЗ

В 1819 г. группа немецких химиков открыла способ получения из каменного угля светильного газа. Они нашли, что этот газ прекрасно может заменить тогдашние масляные лампы и сальные свечи и предложили городу Кельну ввести у себя на улицах это яркое и дешевое газовое освещение.

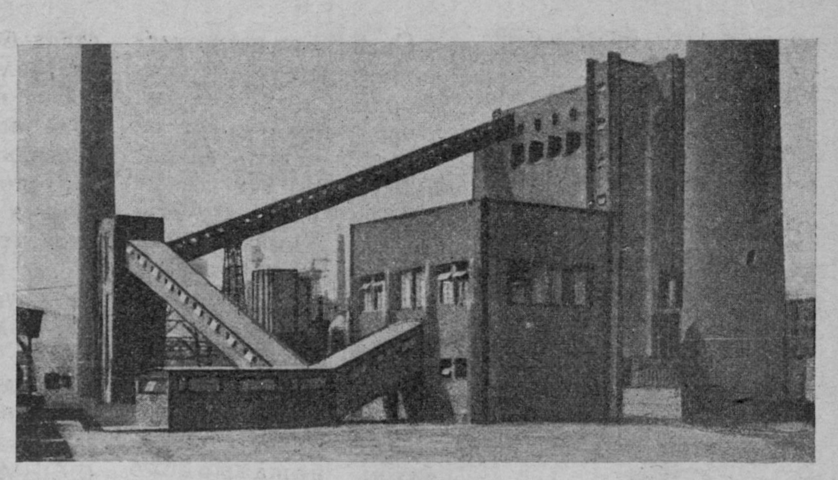
На другой же день после предложения у химиков появились могущественные враги. Прежде всего, против них восстали владельцы фабрик, изготовлявших сальные свечи. Они сразу же поняли, что новое изобретение должно погубить их дело, а главным образом, их барыши. Восстали против этого и отцы церкви, потому что они всегда шли рука об руку с теми, у кого было больше денег. И через несколько дней „отцы города“ вместе с „отцами церкви“ вынесли мудрое решение:

„Ночное освещение улиц противно божеским законам, ибо господь не для того создал мрак ночи, чтобы человек нарушил его“.

Химики не отчаялись, и предложили газовое освещение Англии. Но там повторилась та же история. Против химиков ополчились и церковники и заинтересованные промышленники. Подкупленные ими газеты стали помещать громовые и насмешливые статьи о новом изобретении. Лондонские газеты требовали „строго наказать безумцев, которые вздумали заменить великолепное освещение сальными свечами светом какого-то вонючего и ядовитого газа“. А юмористические журналы того времени запестрели карикатурами, говоря своим читателям, что „только сумасшедшие бабы будут ходить за водой по ночам с этим новым газовым фонарем, потому что едва ли найдется нормальный человек, рискнувший иметь дело с „ядовитым светом“.

Карикатура из английского журнала.

Современный газовый завод.

Нужны были долгие годы упорной, настойчивой борьбы, чтобы, наконец, изобретение восторжествовало. Но теперь химики могут праздновать решительную и блестящую победу: в настоящее время каждый год на земном шаре 50 миллионов тонн каменного угля расходуется для питания газовых заводов, которые вырабатывают 15 миллиардов кубических метров светильного газа. Этого количества газа хватило бы на то, чтобы в течение часа дать свет в 15 000 миллиардов свечей и наполнить грандиозный воздушный шар диаметром в 3 *км*.

Таких историй можно было бы рассказать десятки.

ЗАЧЕМ ПОКУПАТЬ НАВОЗ В АПТЕКЕ?

В далекие седые времена гремела по всему миру слава о двух могущественнейших государствах Малой Азии — Ассирии и Вавилоне. Не было никого на земном шаре сильнее этих государств. Потому что невиданные миру урожаи давали их поля, делая страну богатой и независимой.

Но однажды от какой-то непонятной причины урожаи стали неожиданно падать. Из пятилетия в пятилетие, из года в год все меньше и меньше хлеба давала земля. Казалось — устала почва и не в силах уже родить прежнего изобилия хлебов. Народ почувствовал сначала нехватку в продуктах, потом незаметно подкрался костлявый голод, и началось бегство и мор. Поля стали совершенно бесплодными, и страна опустела. Так погибла Малая Азия, превратясь из цветущей страны в выжженную солнцем голую полупустыню.

Та же опасность надвинулась на Европу во второй четверти прошлого века: урожаи европейских полей начали неудержимо падать. Думалось — нет надежды спасти европейские поля от гибели, и Европа должна так же погибнуть, как погибла когда-то Малая Азия.

Европу спас немецкий химик Юстус Либих. Он узнал причину надвинувшейся катастрофы. Оказалось, что Малая Азия погибла, главным образом, пото-

му, что в ее почве не стало питательных веществ и в том числе — солей калия. Их „съели“ растения, вымыла из почвы вода, и, лишившись их, поля уже не смогли давать тех же урожаев. Чтобы не погибнуть подобно Малой Азии, Европе надо было как можно скорее дать своим полям эти, утерянные ими, питательные вещества. Но где найти их?

К счастью, как раз в это время в Германии, около города Спассфурта, были найдены богатейшие залежи калийной соли, а молодой химик А. Франк нашел дешевый способ обработки их для целей удобрения.

Всю жизнь приходится ему бороться с неверящими в его открытие землевладельцами.

— Зачем покупать навоз в аптеке?—недоумевают они.

Но когда он все-таки в конце-концов переубеждает их и заставляет применить калийное удобрение, результат получается поразительный: урожаи в тонну с гектара сразу выросли до $2^1/_2$ тонн. С тех пор калийное удобрение получает широкое распространение заграницей.

Европа уцелела: ее спасла химия.

ХИМИЧЕСКИЙ ПАЕК ДЛЯ СОВЕТСКИХ ПОЛЕЙ

Прежняя Россия не знала химии. Мы были в химической кабале от заграницы: нас питала химией Германия. И от этой химической бедности мы еще больше беднели.

На безнадежно больных, ненакормленных химией, русских полях из года в год безропотно умирали от неурожая и голода русские крестьяне. Мы продавали за копейки прекрасное химическое сырье заграницу, чтобы через несколько месяцев получить за тысячи рублей то же сырье, но уже в переработанном виде. И сплошь и рядом небрежно и легкомысленно мы выбрасывали дорогие продукты промышленных отбросов, потому что не умели и не знали, как использовать бросаемое.

Буржуазный химик: глупцы! Они называют войну четырнадцатого года безумной. Если бы они знали, какой сюрприз я приготовил им для будущей войны!

(Из журнала „Прожектор“.)

Так было при царском правительстве, но так не будет сейчас, при советской власти. Потому что мы твердо знаем: только до зубов вооружившись химическим знанием, мы можем надеяться догнать и перегнать наших капиталистических соседей.

Вот почему в нашей пятилетке такое почетное место занимает химия.

В грядущую пятилетку мы прежде всего дадим нашим полям вдоволь питательной химической пищи. Для этого мы широко начнем развивать добычу калийного удобрения на недавно найденных нами богатейших залежах калия в верховьях Камы: к концу пятилетки они дадут нам $1^1/_2$ миллиона тонн калийных удобрений.

Кроме калия, мы накормим поля суперфосфатом. Построенные к концу пятилетки химические заводы под Ленинградом, на Урале, на Украине и, главным образом, под Москвой, около мощной Бобриковской электростанции, создадут 3 миллиона тонн суперфосфата. Эта цифра громадна, потому что в 1913 г. наши поля получили всего лишь 55 тысяч тонн, а в 1928 г.—150 тысяч тонн этого удобрения.

Кроме этих двух блюд, мы дадим полям третье и четвертое блюда—„сернокислый аммоний“ и „томас-шлак“. Первое мы получим из каменного угля, а второе соберем в мусорных кучах нового Керченского металлургического завода.

Через 5 лет богатый паек приготовит советская химия советским полям. И они не останутся в долгу: получив нормальные условия „для работы“, они поднимут „производительность своего труда“ по крайней мере на 30 процентов, дав нам десятки миллионов тонн дополнительного хлеба.

ХИМИЧЕСКАЯ ПЯТИЛЕТКА

В нашу пятилетку мы широко наладим производство красок из угля: громадные Бобриковские химические заводы под Москвой полностью удовлетворят ими наши текстильные фабрики. А это позволит нам сохранить у себя в казне те 75 миллионов рублей, которые пришлось бы выплачивать иностранным „химическим королям“ за ввозимую к нам краску, если бы мы попрежнему продолжали находиться в химической кабале от заграницы.

На громадном Днепростроевском алюминиевом заводе химики будут приготовлять каждый год по 10 тысяч тонн алюминия,—этого „металла будущего“, который прочен, как сталь, и легок, как сухое дерево.

Особые химические заводы из простой поваренной соли приготовят хлор, который вытравит вредителей с наших полей, сыграет громадную роль при производстве лекарств и вооружит нашу армию военными газами.

Из советского полена химики приготовят дешевый и красивый искусственный шелк.

В районе Ярославля вырастет громадный резиновый завод, который будет делать шины—эти „автомобильные галоши“—для громадной армии новых советских автомобилей.

И, наконец, по всему Уралу задымят трубы лесохимических заводов, которые превратят стружки, опилки и щепки в уксусную кислоту, спирт, лекарства и бумагу.

Так широко и полно развернется советская химия, добывая ценнейшие продукты из теперешнего „сора“ и „грязи“.

Нет предела чудесам химии: она не признает отбросов и находит нужное место в народном хозяйстве любой рваной тряпке, заржавленному гвоздю и грязной щепке.

Вот почему без химии нет экономного хозяйства и действительно, научно-поставленной промышленности. Вот почему химия имеет громадное значение для нашей молодой советской промышленности.

Об альбомах

В этом номере журнала редакция заканчивает дискуссию об альбомах. Много писем об альбомах получено редакцией, и все они говорят о том, что альбомы с мещанскими стишками пионерам не нужны. Редакция дала Марусе Губкиной папку заметок, и Маруся составила из них статью. В конце статьи высказывается об альбомах старый член партии, подпольщица тов. Смидович. Она советует заводить новые, коллективные, пионерские альбомы, устроить выставку и рассказать о ней в „Пионере“. Редакция вполне согласна с тов. Смидович. Присылайте нам, ребята, новые альбомы, пишите, что делается у вас на альбомном фронте. Редакция ждет ваших материалов.

Секретарь „Пионера“ дал мне целую папку заметок об альбомах и просил меня поработать над ними. В этой папке я нашла целый альбом с глупыми стишками. Кроме того, один деткор прислал несколько альбомных стихов, которые он читал в альбоме у комсомольца Федора Чирцова.

ГЕНИАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ

Вот что пишет какая-то Надя в альбом Феде Чирцову:

НА ПАМЯТЬ

Много звездочек на небе,
Но одна из них ясней.
Много девочек на свете—
Федя лучше всех.

Писала Надя Кокор.

Что много на небе звезд—это верно, что девочек много — это тоже верно. Но я никогда не думала, что Федя — девочка. Это прямо гениальное открытие!!!

Я думаю, что доказывать глупость этих „стихов“ не надо.

ПОПРОБУЙ, СКАЖИ

А вот еще одно стихотворение этой же Нади. Называется так же:

НА ПАМЯТЬ

Ф—я букву обожаю,
Д—я пламенно люблю,
Е—я часто вспоминаю,
Ю—я скажу, кого люблю.

Кор. Н.

Итак, Кор. Н., она же Надя Кокор, собирается сказать букве „Ю“ кого она любит. Как она это сделает—трудно сказать. И в самом деле—попробуй, скажи букве, когда ушей у нее нет и слышать она все равно не может. Не стоит этого делать. И таких глупых стихов писать не стоит.

УМИРАЮЩАЯ ТОНЯ

Но Надя что,—ну поговорит с буквами, сделает открытие, что Федя—девочка и успокоится.

Не то Тоня Сутырина, она так не может и пишет на память Феде такие ужасы:

Приди на тихое свиданье,
Есть много горя у меня,
И успокой мое страданье:
Я умираю без тебя.

С. А.

Так-таки и решила Тоня умирать. Умерла она или не умерла я не знаю, и редакция тоже не знает. Так что очень прошу Федю Чирцова срочно сообщить нам об этом. А то очень жутко.

ВАЛИ, ФЕДЯ, ВЛЮБЛЯЙСЯ!

Впрочем Тоня Сутырина наверно не умерла, т. к. пишет этому же Феде такое „стихотворение“.

Желаю Вам учиться, учиться хорошо.
Желаю Вам влюбляться лишь только в одного.

Сутырина.

Что-ж Федя—валяй! Кто там у тебя из друзей есть? Ваня? Степа? Миша? Выбирай кого-нибудь, только обязательно „одного“, и влюбляйся.

ДАЕШЬ АЛЬБОМ — В БУМАЖНЫЙ ЛОМ!

„Наша стенная газета „Отрядная Правда“ повела обсуждение вопроса об альбомах. Ребята через газету высказались за и против альбомов. Большинство высказалось против. Те, кто имеют альбомы, попали в стенгазету. Мы выдвинули лозунг: „Даешь альбом в бумажный лом!“

Эту заметку прислал из Лебедяни деткор Коля Матюнин.

ПОДУМАЙ И ТЫ, ФЕДЯ

Подумай и ты, Федя Чирцов, над этим лозунгом. Что хорошего и полезного ты получаешь от стихов, которые пишут тебе девочки в альбом? Тебе, как комсомольцу, особенно стыдно держать такую безграмотную чепуху. И особенно давать еще девочкам заниматься глупостями, вместо того, чтобы постараться вовлечь их в общественную и школьную работу.

СТРАННЫЙ АЛЬБОМ

В папке я нашла целый альбом со „стихами“ и рисунками. Этот альбом очень странный, потому что на обложке написано:

АЛЬБОМ РАИСЫ ИВАНОВНЫ КОРЕЛИНОЙ

(она пионерка)

а все стихи относятся к какой-то Тоне. Так что даже трудно сказать, чей это альбом. Одно ясно, что и Тоня и Раиса Корелина занимаются бесполезными делами.

ПУСТОЕ ДЕЛО

Вот что пишет Рая в этот альбом:

Что в альбомчик написать,
Право, я не знаю.
Быть подругою твоей
От души желаю.

Рая

По-моему, раз уж желаешь быть подругой, то так и сделай. Не понимаю зачем об этом в альбом писать. А то, что Рая не знает, что „в альбомчик написать"—неудивительно, потому что альбом совершенно пустое дело.

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

На этот вопрос очень хорошо отвечают две заметки, которые я вытащила из папки:

ВМЕСТО АЛЬБОМА—ЖУРНАЛ

Прочитав в журнале „ПИОНЕР" стихи А. Жарова об альбомах, мы решили, что альбомов иметь не стоит и вынесли постановление, чтобы собрать их и сжечь. А вместо альбомов завести групповой журнал, куда писать стихи, песни, частушки, записывать игры, засушивать цветы.

Рязанской губ. Кружок „Красный деткор".

С. Мураевич

АЛЬБОМ—ГЛУПОСТЬ

В голицынской школе у большинства девочек еще есть альбомы, но многие бросили эту глупость. У меня давно уже нет альбома. Вместо него я завела тетрадку для рисунков, стихов и т. д. Это оказалось гораздо интереснее альбома, советую всем поступить так же.

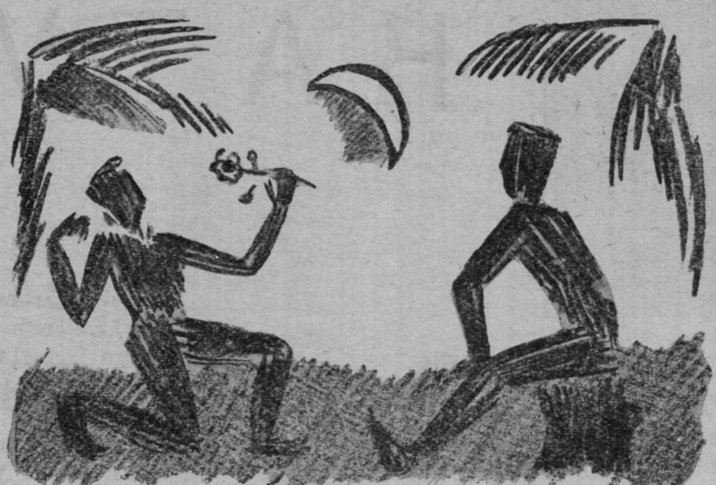

Ст. Голицыно.

Деткорка Т. З.

АЛЬБОМ—СПРАВОЧНИК

Я думаю, что в альбом можно записывать, кроме песен, игр, частушек и стихов, еще много полезных вещей. Например, сделать чертежи и описать устройство радиоприемника, модели аэроплана, устройство волшебного фонаря, электрического звонка, лодки и т. д.

Такой альбом может быть хорошим помощником в работе звена, в лагере и в походе, в школе и дома.

И очень обидно бывает, когда ребята, да еще комсомольцы, не понимают этого и пишут в альбомы всякую ненужную чепуху.

Маруся Губкина

ПРОТИВ МЕЩАНСКОЙ ЧЕПУХИ

Плохого нет, что у некоторых пионеров или пионерок есть альбом. Плохо то, что в этом альбоме они, оказывается, пишут как-раз тот вздор и чепуху, которыми полны альбомы мещанских детей.

Это значит, что такие ребята еще не настоящие пионеры, а скорее являются пионерами только по галстуку.

Так вот, пионер, который пишет в своем альбоме разную чушь вроде: „Она брюнетка, она кокетка и очи ее южная ночь", мало чем отличается от гимназиста старых времен, который с детства начинал влюбляться в гимназисток, провожал их из гимназии до дому и объяснялся им в любви. В этом была вся жизнь такого гимназиста и вырастал он обывателем без всяких общественных интересов.

Если ребята с детства будут заниматься подобными вещами, то какие же из них выйдут строители социализма?

Пионеры—это передовой отряд ребят трудящихся. У них свои пролетарские обычаи и главный обычай пионеров,—это жизнь в коллективе и для коллектива, а не мещанская обособленность со всякими вздохами и ахами о брюнетках и блондинках и о мальчиках-Федях, в честь которых слагаются стихи.

Бороться с альбомами надо, но только не так, как это делает пионер Алексей Котышев, который просто-напросто вырывает с дракой у девочек альбомы и оставляет их у себя. Никуда это не годится! Если так делать, то вместо одного альбома ребята два заведут. Нужно терпеливо разъяснять альбомную глупость, тогда пионеры да и неорганизованные ребята сами поймут, что это глупо и неинтересно. Еще нужно показать на примере, сколько есть интересных вещей, о которых можно писать в альбоме. А еще, мне кажется, что хорошо было бы завести отрядный альбом, в котором пускай пишет каждый пионер, который захочет занести в альбом свои мысли. Один раз, например, в месяц или в две недели все написанное можно всем вместе прочесть.

Было бы неправильно думать, что не надо в альбомах писать стихов. У некоторых ребят есть стремление слагать стихи. Пускай пишут стихи. Но естественно, что пионер будет писать другие стихи, чем мещанин: не о локонах, глазах, ручках будет пионер рассказывать своим товарищам—он найдет что-нибудь более интересное.

Выставкой пионерских альбомов, как единоличных, так и коллективных, хорошо было бы закончить эту кампанию, а потом рассказать о ней в нашем „Пионере".

С. Смидович

СОВЕТСКАЯ КАТУШКА

Очерк А. БЕРМАН

1. ОБОРОТ КАТУШЕК

Обыкновенно два пальца левой руки охватывают катушку с боков и вдавливаются мякотью в ее дырочки. Правая, между тем, вытягивает из щелки за кончик тонкую нитку и сматывает ее, сколько нужно. Катушка делает на своей живой оси 10—15 оборотов. Остановка, легкий сухой треск порванной нитки, и катушка снова ложится отдыхать на дно рабочей коробки.

Куда утомительнее, куда дольше кружится катушка на шпинделе швейной машины. Покуда домашняя швея крутит маховичек, она подскакивает и толчками кружится на месте.

Но дома швейная машина—это не более, как механизированная игла. Только на швейной фабрике она заслуженно называется машиной. Там ее приводит в движение электрический ток, и там катушка, попав в работу, уже не знает отдыха до той поры, пока не засквозят ее обточенные березовые бока.

Кто является главным виновником этого утомительного пляса? Тысячи ли домашних „починочных мастерских“ или десятки фабрик? Это по существу не важно. Важно то, что катушки дюжинами дюжин поступают в оборот, что за год их требуется у нас свыше 3-х миллионов гроссов (а гросс именно и есть дюжина дюжин).

2. КАТУШЕЧНЫЙ КОРОЛЬ

В прежние времена, посмотрев на боковушки катушек, мы находили на них круглые наклейки с изображением медведя и с таинственным словом К о у т с. Что означало это слово? Название ли города или сорт ниток? Наведя справки, мы могли узнать, что Коутс—это фамилия человека, которому принадлежали все катушки мира. Разумеется, вы являлись единственным хозяином катушки, лежащей у вас в коробке. Но первоначальный-то хозяин катушки, у которого ее приобретала ниточная фабрика, таким первоначальным хозяином чаще всего оказывался этот вездесущий Коутс, у которого были свои фабрки всюду: от Финляндии, тогда входившей в состав России, до Англии.

Не будем ручаться за Америку, но на финляндских фабриках Коутса нередко штабелями лежали мешки с катушками, на которые наклеивали ярлыки с адресом:

АМЕРИКА. БУЭНОС-АЙРЕС.

Перескочим теперь годы разрухи, когда мы почти не нуждались в катушках. Почему не нуждались?—спросите вы. Да очень просто: на них нечего было мотать. Да и запасы кое-какие у нас сохранились. Но когда у нас снова появилась советская нитка, к ней потребовалась и катушка. А советской катушки для нее у нас не нашлось.

И катушечный король, потирая руки, вагонами направлял мешки с катушками в СССР. Он нам катушки, а мы ему—золото. То самое золото, которое так нужно нам для закупки машин.

3. КОМАНДИРОВКА ЗАГРАНИЦУ

В чем, собственно говоря, дело? Нехватало у нас, что ли, материала для катушки? Это березы-то! Березы сколько угодно, только бери. Но катушечное производство ставит свои особые требования. Если нитки дешевы, то катушки должны быть подавно на много дешевле. На 15 коп.—цена катушки с нитками—катушка должна стоить не более полукопейки. Стало быть, их надо не перочинным ножом вырезать, не выделывать штуку за штукой, а поставить станки, наладить работу и выстреливать их, как из пулемета. Тогда и будет дешево.

Два года тому назад, когда рядом с фабрикой Картонтоль в Ленинграде был еще только сад да деревянный домик, один советский инженер, по командировке Древтреста, выехал заграницу.

Инженер побывал, между прочим, в Англии на одной из фабрик Коутса. Его пропустили в фабричные мастерские, но, когда он задержался там около станков, ему напомнили, что он только гость и его ждут в конторе.

Тем не менее, инженер свою командировку выполнил.

Сегодня рядом с кирпичными корпусами Картонтоля вырос пятиэтажный железобетонный корпус.

Пятиэтажный корпус, силовая станция, лесопилка и склады—все это вместе образует Катушечную фабрику Древтреста. Эта катушечная фабрика выбрасывает ежегодно 3 600 000 гроссов катушек при работе в две смены.

4. НОЖ И СТАНОК

Повертим катушку в руках и подумаем, нельзя ли и нам сделать такую же. Благо перочинный нож имеется. Конечно, дерево будет материал подходящий и достаточно крепкий, и зарубку можно сделать на бортике, чтобы завести в него конец намотанной

нитки. Стало быть, прежде всего нам потребуется древесный кряж, обрубок ствола. Так, возьмемте в работу березу. Из цельного кряжа у нас получится, конечно, не катушка, а катушища. На нее хоть канаты мотай, только не нитки, да и в руках держать как-то неудобно. Из кряжа, стало быть, надо вырезать брусок такого сечения, чтобы из него можно было обточить катушку подходящего размера. Круглого бруска, конечно, сразу не нарежешь, придется сначала вырезать квадратный.

Ладно, вырезали брусок квадратного сечения, потом обточили его на круг. Получили круглый брусок. Теперь, если перочинный нож еще цел, давайте нарезать брусок на отдельные чурки, ростом с будущую катушку. Готова чурка?—Ну, стало быть, осталось уже только полдела: просверлить в чурке посередине дыру, чтоб можно было ее на шпиндель сажать, да сделать кругом нее глубокий вырез для намотки нитки, оставляя по бокам бортик, чтоб ее удержать на катушке.

Из того, что мы сейчас говорили, следует один важный вывод: перочинным ножиком нам не обойтись, нужны станки.

И второй вывод, не менее важный:

Девять десятых дерева уйдет на стружку.

Теперь, закрыв перочинный ножик, можно пройти и на нашу катушечную.

5. ИСТОРИЯ ОДНОЙ БЕРЕЗЫ

Два рубчатых податочных валика зажимают березовый кряж и толкают его прямо на лесопильную раму.

Что такое лесопильная рама? Это и в самом деле рама, на которой струнами натянуты стальные пилы. Эта рама стремительно ходит вверх и вниз, приведенная в движение мощными моторами, а два рубчатых валика не более, не менее как протирают сквозь нее зажатый между ними березовый кряж.

Подойдем с другой стороны: из рамы уже ползет не кряж, а пачка досок.

С каждой доской та же история: только бежит она не через раму, а через станок, похожий на чудовищную выпрямленную челюсть. Вместо зубов в этой челюсти вертящиеся с визгом круглые пилы. С другой стороны станка мы получаем уже нужные нам бруски кавадратного сечения. Хоть сейчас пускай их на катушки.

А вот нельзя: ведь, у нас в дело пошла сплавная береза. Какие из нее катушки: из нее хоть воду выжимай! Бруски грузят на тележки и закатывают в сушильню. В сушильне 60 градусов тепла, и вода из брусьев выходит паром. Два дня в этом климате, похожем на батумский, и бруски можно сложить клетками под навес складов, покуда не наступит пора поднять их на лифте в верхний этаж фабрики.

6. ПРОВАЛ ЗА ПРОВАЛОМ

Несложна операция в верхнем этаже фабрики: там в глотку фрезерного станка суют брусок за бруском, и станок выбрасывает с другой стороны уже круглые палки.

Бруски подымались вверх по-барски: на лифте. Теперь обращенье с ними резко меняется: они предоставлены самим себе и силе тяжести и простонапросто проваливаются вниз, в следующий этаж.

Здесь каждый брусок, на этот раз стоймя, вставляют в станок. В станке восемь зажимов, и он вращается каруселью. Он несет бруски мимо горизонтальной круглой пилы, которая каждый раз подрезает брусок приблизительно на длину катушки. Чурка выпадает из станка, а подрезанный брусок все ниже садится в своем зажиме. Так он и садится, пока весь не сойдет на-нет.

Чурки тем же порядком проваливаются на этаж ниже. Они вливаются непрерывным потоком в сверлильные станки, о четырех сверлах каждый. Сверла глядят на две стороны, одна пара влево, другая направо. Они имеют не только вращенье (7200 оборотов в мин.!), но и ход—взад и вперед. А тут стальные пальцы подставляют под них чурки: они толкают их, сдвигают, подают и зажимают вмертвую, когда подъезжает сверло. И станок плюется просверленными чурками, и эти чурки снова падают в следующий этаж. Там им уже предстоит стать катушками. Их автоматически подают на токарный станок.

Токарный станок—основной станок на фабрике. В нем—девять резцов; и чурка, глухо насаженная на шпиндель, сразу становится катушкой: резцы вытачивают в ней выем и оба бортика, остается только ссыпать катушки в мешки и отправить на склад.

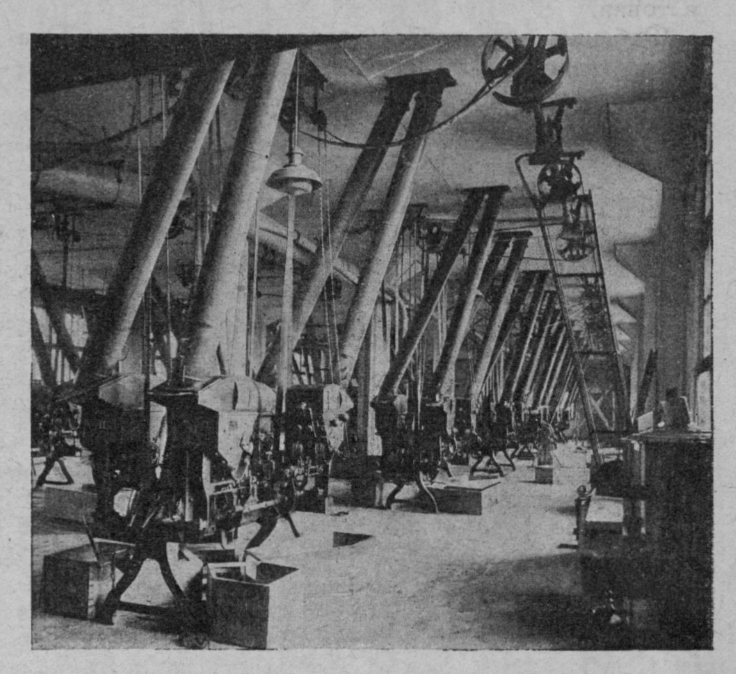
Мы проследили весь путь от березового кряжа до катушки, но у нас так вышло, будто в каждом этаже стоит по одному станку. Это неверно: станки стоят в каждом этаже в два ряда, из конца в конец мастерской.

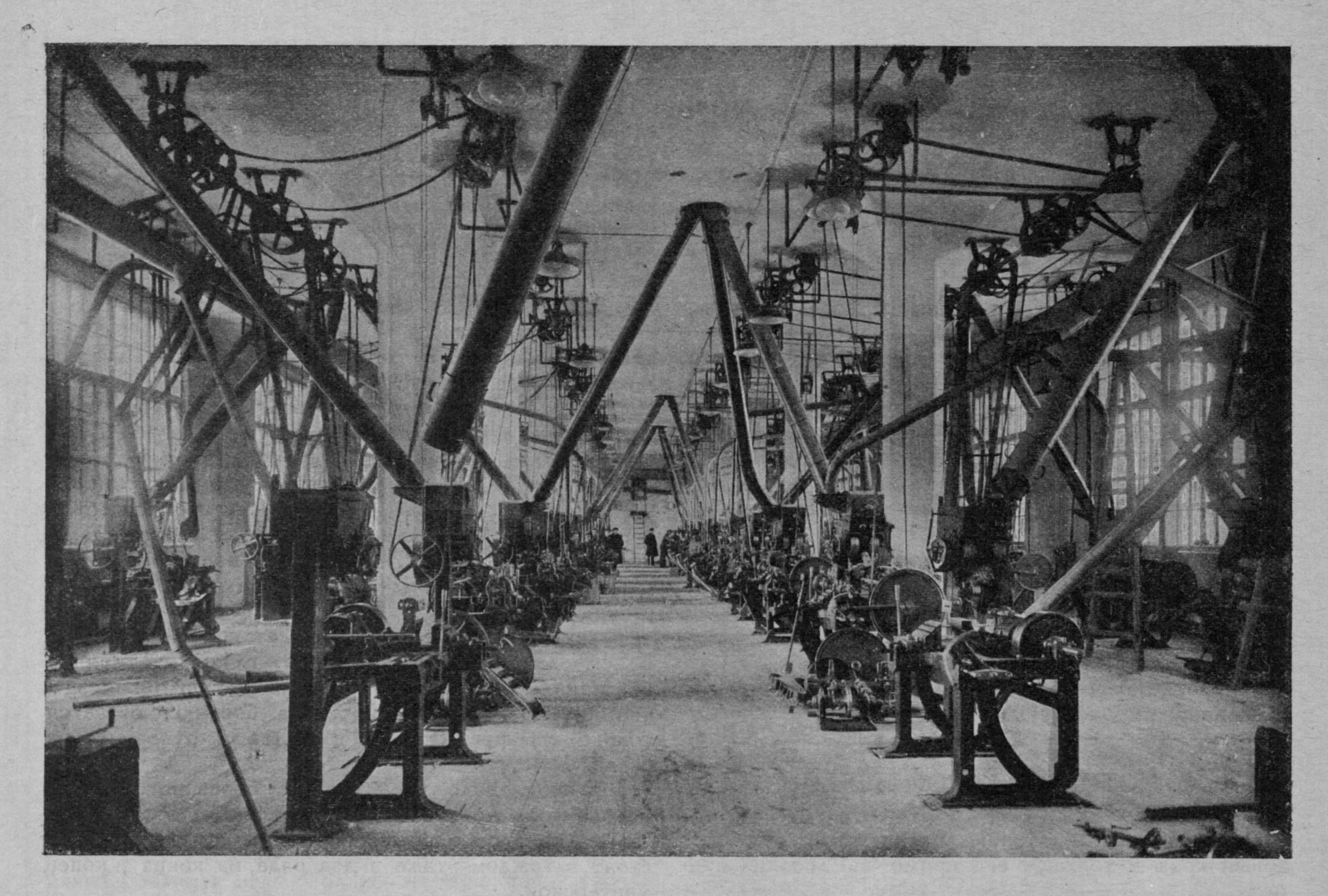
Шутка сказать: 3600000 гроссов в год!

7. ДЕРЕВЯННАЯ МЯТЕЛЬ

Итак, всюду пилы, резцы, сверла. Режут, обтачивают, дырявят березу. Недаром же мы сказали, что девять десятых (90%!) древесины пропадает впустую. Опилок и стружек, поди, горы навалены подле каждого станка!

Ничуть не бывало.

Всюду, откуда летят стружки или сыплются опилки, над станками разевают свои пасти длинные трубы, проходящие по мастерским.

Откройте заслонку в боковушке трубы и суньте туда руку: вас бешено забьет и заколет деревянная мятель.

Отовсюду, откуда летят стружки или сыплются опилки, эти трубы засасывают их воздухом, собирают и несут через весь завод туда, где стоит фабричная силовая станция. Там они поступают в топки.

Фабрике волховского тока не требуется. Она предоставляет его другим, а сама питается собственными отходами.

Хватает, и даже с лишком.

8. В ГОРЛЕ ВЕЛИКАНА

Сколько, однако, воздуха надо насосать, чтобы втянуть в себя все эти стружки и опилки? Не много, не мало, а 60000 куб. метров в час (в главном корпусе фабрики). И это из закрытых-то мастерских, где работают люди!

Фабрике нужны огромные легкие, чтобы надышать себе, сколько следует, воздуха. Поинтересуемся этими легкими.

Откроем маленькую железную дверь и залезем в дыхательное горло великана. Только, чур, нахлобучим себе фуражку по самые глаза, а то ее тут же и снесет ветром.

Вместо ноздрей у великана—окно, полуприкрытое подвижными створками. Оттуда-то и бьет без устали сухой бешеный ветер. Великан вдыхает воздух, при помощи мощного вентилятора, безостановочно, без передышки.

Ветер сразу встречает на своем пути трубчатую железную стенку, похожую на соты. Зимой в трубки пускают горячий пар, который подогревает воздух: не было бы простуды.

Зайдем за эту стенку (повторяю, держите крепче вашу фуражку) и заглянем дальше: что-то плещется и хлюпает: из нескольких трубок брызжут фонтанчики воды. Ветер мнет и разбрасывает их, обращает их в сплошную водяную завесу. Вода падает вниз, в специальный бассейн, а воздух, подогретый и насыщенный водой — в самый раз для дыханья— по темным проходам несется в фабричные мастерские.

Как хотите, а это легкие: и кислород и тепло.

В мастерских отопительных устройств почти не поставлено, да и не нужно их—при таких-то здоровых легких!

9. ВАГОНЫ ТУДА И ВАГОНЫ ОБРАТНО

Полтора года тому назад поставили двенадцать мудреных станков и бились с ними несколько месяцев: пока не справились, нельзя было приступать к постройке фабрики. А теперь фабрика работает полным ходом.

Скоро вагоны снова повезут мешки с катушками через нашу границу.

Только на этот раз в другую сторону. Березы у нас сколько-угодно, только бери.

Что-то скажет старик Коутс!

МИШКА В БЕДЕ

(ОКОНЧАНИЕ).

— Должно, сдохнет. Кровь у него, я ему ухо откусил. А теперь мужик домой его взял.

У Семки отлегло от сердца.

— Какой мужик-то?

— Не знаю. Рыжий, в ваш конец поехал. А я в вашем конце никого не знаю.

6

Дома они ничего не сказали. Сейчас же после ужина пошли спать, а сами стали разговаривать про Мишку.

— Если сдохнет, плохо нам будет,—говорил Семка.—Заругают нас тогда.

— Ничего ты не понимаешь,—шипел на него Гришка.—Ты думаешь, я боюсь, да? Никого не боюсь, пускай ругают. Мне жалко, потому что... Я сказать только не могу. Ну, когда товарищ помрет, жалко, ведь, да?

— Ну да, жалко.

— Вот так же и Мишку мне жалко. Он мне лучше товарища стал. Ты знаешь, он какой, знаешь?

Гришка сел и начал рассказывать:

— На прошлой неделе у меня заболела голова. Сильно! Я аж ходить не мог. Когда мне совсем уж стало плохо, я лег под куст и лежу. Смотрю—он подошел и уставился на меня...

Это была правда. Но Гришке этого показалось мало. Мишка должен был сделать что-то еще, необыкновенное, как самый хороший человек. И он, незаметно для самого себя, стал подвирать:

— Видит он—я лежу. Ну, ему, понятно, жалко меня стало. Он, ведь, сразу понимает, что к чему. Подошел он ближе еще и давай меня лизать—гладить, по-ихнему. Руки облизал, плечи, потом голову, А у самого слезы на глазах...

Дальше он хотел сказать такое, чтобы насквозь прожечь Семку и заставить его заплакать, как плакал сам он давеча. Но Семка испортил все дело.

— Гришка,—сказал он вдруг,—а если сейчас хозяева его придут, станут спрашивать? Что мы им скажем?

Гришка вышел из себя:

— Дурак ты курносый, больше никто. Ему рассказывают, а он... Уж испугался!

Он отвернулся и больше не разговаривал с Семкой. За Мишкой никто не пришел...

Утром Гришка раньше, чем всегда, проснулся сам и разбудил Семку. Когда шли на выгон, он торопился, падал через жерди и думал, что никогда не дойдет. На выгоне еще никого не было. Только в двух-трех местах чернели нето бабы со скотиной, нето просто ямы, вырытые свиньями.

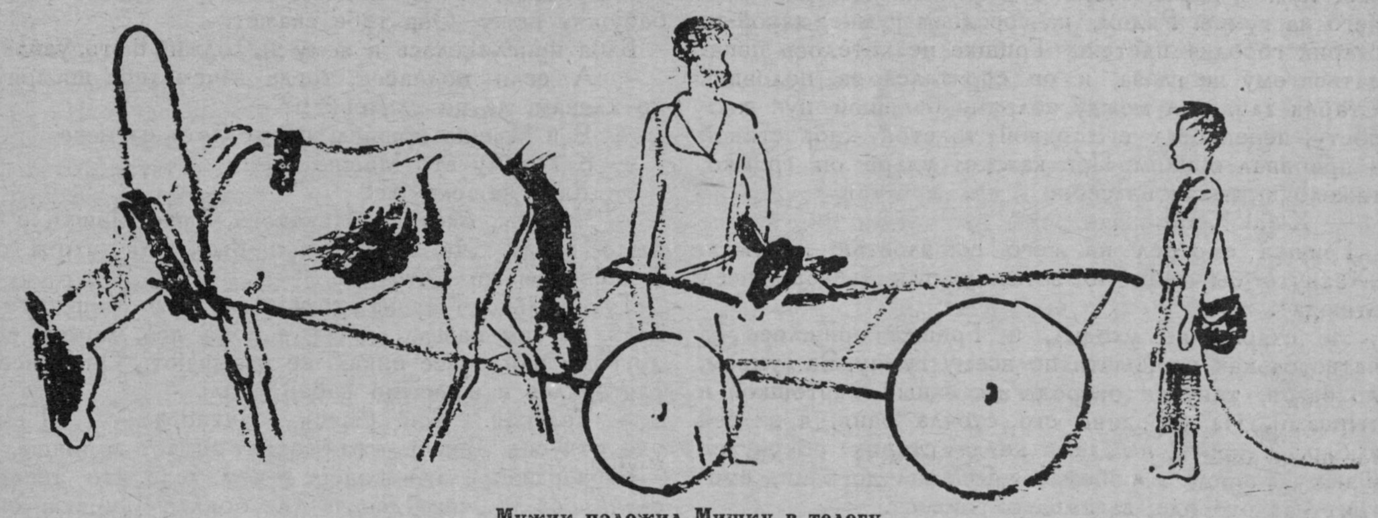
Когда рассветало, телят стали подгонять сразу со всех концов. Гришка вглядывался в каждого из них со страхом и надеждой: не Мишка ли? И злился, что всякий раз ошибается. Уже все стадо было в сборе. Надо было гнать, а Гришка все оттягивал, все ждал—а вдруг, в самый последний момент пригонят Мишку. Подошел Семка.

— Ну, погоним, что ли? А то поздно уж.

— Погоди, может, еще будут.

— Да уж наверно все тут. Видишь, никто не подгоняет.

— Ну, погоним...

Мужик положил Мишку в телегу.

Гришка уныло начал подымать телят, а сам думал: „Сдох, теперь уж сдох! Раз не привели, значит, сдох“.

Выгнали в поле—к Среднему бараку. Телята паслись хорошо, смирно. Можно было разговаривать, сколько хочешь. Но говорить Гришке не хотелось. Он то садился на землю и в раздумьи выдергивал пучки травы, то вставал и долго ходил кругом стада, то останавливался и смотрел на село.

— Ты все про него думаешь?—спросил Семка.

— Ну да, про него. Сдохнет он.

— А ты не надо про него, ты про что-нибудь еще. А то бабушка говорит, если про одно все думать, мозги перевернутся.

— Пошел ты со своей бабушкой!

Он ушел на другой конец, к ветле, и стал осматривать место, где вчера лежал Мишка. На земле

он нашел много красных шерстинок. „Бился наверное, до меня еще“, подумал.

Тут он видел того самого мужика, что увез вчера Мишку. Теперь он опять ехал в поле. Гришка подлетел к нему:

— Дядя... Дяденька! А Мишка как? Бычок тот? Сдох?

А кто его знает? Я вечор к хозяевам отвез его. Тогда еще он живой был, но плохой! Опоздали вы. Надо бы раньше обрезать.

— А чей он?

— Феди Крайнего,—сказал мужик.

— Федя Крайний, это изба у которого с краю?

— Вот-вот. Кривая этакая, низенькая. По левой руке.

Мужик поехал дальше, а Гришка направился к Семке.

— Семка, ты смотри, а я в село сбегаю.

— Зачем?

— Так, надо.

— Не ходи, Гришка. Увидят наши, ругаться будут.

— Я задами. Да все равно не увидят. Мужики все в поле, а бабушка никуда не выходит.

7

Тем краем, где жил Мишка, село упиралось в конец озера. Отсюда до самой горы и по горе шел густой лес. Он проходил недалеко от среднего барака. Гришка, чтобы не встретить никого по дороге, обошел кругом по лесу. Потом он быстро перебежал лужок возле озера и очутился у Феди Крайнего на гумне. Рядом, на соседнем гумне, какой-то старик городил плетень. Гришке не хотелось попадаться ему на глаза, и он спрятался за половню. Старик заплетал между кольями большой пук хворосту, переплетал его одной толстой хворостиной и прибивал обухом. При каждом ударе он громко, тяжело выдыхал из себя:

— Х-ха! Х-ха!

Гришка смотрел на него со злостью и думал: „Хахнуть бы тебя по затылку, так ты бы ушел отсюда“.

Но старик не уходил, и Гришке пришлось на четвереньках проползти по всему гумну. За гумном, до базов, тянулся огород, засеянный картошкой и тыквами. На середине его стояла баня, а за ней амбар. Гришка выждал, когда старик обернулся к нему спиной, и побежал. Добежал до бани, смотрит—на огороде, за амбаром, полют.

За амбаром баба с девочкой заговорили о чем-то, девочка засмеялась: „Значит, не сдох,—обрадовался Гришка. – Если бы сдох, разве она стала бы смеяться?“ Тогда он решил отправиться обратно. Старика он больше не боялся: „Увидит, так увидит, наплевать на него. Что я, украл что-нибудь?“

На всякий случай он выглянул за амбар: девочка и баба, с мотыками на плечах, шли домой. И его взяло искушение хоть издали, хоть краем глаза поглядеть на Мишку.

Когда баба с девочкой ушли, он подождал немного, потом побежал к базу. Тихонько открыл ворота, проскользнул в них и торопливо, оглядываясь, как вор, начал искать под сараями, за перегородками. Даже в ясли заглянул, как-будто искал не теленка, а кошку.

Мишки нигде не было. Должно быть, он был во дворе. „Разве туда пойти, во двор? А, пускай. Все равно пойду“. И Гришка открыл вторые ворота.

Гришка спрятался за половню.

Во дворе Мишки тоже не было. Но по той стене, что примыкала к базу, шло подряд штук пять хлевушков и кладовушек. Гришка взглянул в одну дверь, оказалось — это погребица. Вторая была заперта. В третьей ничего не было. За четвертую он только взялся открывать—сзади него как крикнут:

— Ты чего тут делаешь?!

У него опустились руки. Он аж задохнулся.

— Ты чего делаешь, я спрашиваю?

Обернулся—баба, та, что полола с девочкой.

— Я... посмотреть только.

— Это чего тебе смотреть надо на чужом дворе, а? Пшел отсюда! Шляетесь тут, заразы на вас нет...

— Да нет же, тетка Анна, я не затем. Ты думаешь, я воровать, да? Что ты, не узнала меня, что ли? Я, ведь, подпасок, телят пасу...

— Знаем мы вас! Все вы подпаски!

— Правда, тетка Анна. Хочешь, пойдем спросим бабушку нашу. Она тебе скажет.

Баба пригляделась к нему и, должно быть, узнала.

— А если подпасок, тогда зачем тебе шнырить по хлевам, да по кладовкам?

— Я к Мишке пришел, посмотреть на него.

— К какому это Мишке еще?

— Да к вашему же!

— Что ты, окстись. Никакого у нас Мишки и не было сроду. Да хоть бы и был, так что-ж он в хлеве бы жил, что ли?

Тут только Гришка догадался, что Мишкой-то, ведь, он сам назвал бычка, а дома его, может, подругому или вовсе никак не называют. Он совсем растерялся и невнятно забормотал:

— Теленок... Ваш бычок... Захворал он. Я ему ухо откусил. Боюсь, что сдохнет он, вот и пришел...

Баба разобрала, наконец, в чем дело. Но теперь случилось то, чего давеча так боялся Гришка: она решила, что в Мишкиной болезни виноваты пастухи.

— Ага, боитесь!—закричала она на Гришку.— Сперва уморят, а потом боятся. Пастухи тоже. Я вот возьму да в совет вас выведу: заплатите мне за теленка.

Она подошла к Гришке совсем близко. Широкое лицо ее злорадно улыбалось.

— А за что тебе платить?—спросил Гришка.

— Как за что? За теленка. Я не для вас его кормила-поила.

— А он разве?...

— Что испугался? Сдох, как же. Вечор еще сдох.

— Как? Совсем сдох?

— А ты думал как? Наполовинку, что ли? Закопали уж.

Она поглядела на Гришку и захохотала. Гришка увидал рядом с собой камень. Он быстро поднял его и замахнулся на бабу:

Баба подошла к Гришке совсем близко.

— У, дура мордастая! Как дам вот по пузу...

Баба закричала и кинулась к нему. Он распахнул все ворота, пролетел огород, гумно, того старика и выбежал в поле.

8

— Что ты, как долго? — спросил его Семка.—Ушел и пропал.

— На улице играл с мальчишками.

— Нет, правда?

— Вот и правда. А еще купаться ходил, удить.

— Ну, что же ты серчаешь? Нельзя спросить.

Он обиженно отвернулся, но, немного погодя, опять спросил:

— А Мишка что? Ты, ведь, туда ходил?

— Сдох, вот что!

— Правда?

— Что ты пристал ко мне: правда, да правда? Говорю—сдох, значит, сдох. Вчера еще закопали. В совет хотят выводить нас.

— За что в совет?

— Заморили, говорит, Мишку.

— Как же теперь, а?

— Никак!—отрезал Гришка.

— Вот, не сказали мы нашим, теперь они тоже подумают, что мы виноваты.

— Пускай думают.

Весь день Гришка ходил, как в воду опущенный. Не разговаривал, не играл, на телят даже не взглянул ни разу. Пригнали на тырло—Семка полез купаться, стал звать его, а он не хочет. Сели обедать—он пожевал сухой кусок и ушел куда-то. После обеда зачем-то потребовал, чтобы опять гнать к Среднему бараку.

— Да, ведь, мы пасли уж там нынче.

— Ну что-ж, еще попасем.

— Лучше на гору опять, за лес.

— Много ты понимаешь—за лес! Говорю: туда погоним, ну и погоним.

Он был такой злой, что Семка не решился противиться. Пригнали к Среднему бараку. Он прямо прошел к ветле и долго лазил вокруг нее на коленях, искал что-то.

Вечером Гришка поужинал и лег спать во дворе. Только лег—Семка ведет старуху.

— Вот, пускай он расскажет.

— Да ты-то что же? Аль набедокурил чего?

Семка помялся-помялся и сказал:

— Теленок у нас сдох

— Ой!! Как это он?

— Я не знаю.

— Как так не знаешь? Да я что, просить вас буду?! Ни тот, ни другой не хочет. У меня сказывай, а то сейчас палку принесу!

— Говорю же: я не знаю,—захныкал Семка.— Спрашивай Гришку. Он был с ним, он и знает все.

Гришка встал и коротко рассказал, как было дело: как Мишка отстал, как он нашел его и откусил ему ухо, как потом мужик увез его. Старуха покачала головой:

— Ах вы, глупые, глупые! Как же это вы не доглядели? Вас к делу приставили, а вы не смотрите.

Семка с Гришкой молчали.

— А кто вам сказал, что сдох он?

— Я домой к ним ходил. Тетка Анна сказала.

— Ну, вот что. Вы про это никому не говорите. Если спросит кто, скажите: все время, мол, ходил, как и все. Только под вечер отстал.

— А про ножик как?—спросил Семка.

— Ну что же, дома, мол, забыли. Хотели, мол, домой бежать, да надумали откусить.

Семка вспомнил:

— Они в совет хотят выводить нас.

— За что это?

— Говорит, мы его уморили.

— Ну, это пущай она не брешет! Мало ли скотины сдыхает, а за все пастух отвечай. Этак они всю шкуру обдерут с пастуха-то.

Она помолчала, подумала и добавила:

— Ну, а к энтой дуре все-таки сходить надо. Чего это она болтает? Завтра схожу.

Утром, не успели бабы согнать телят, Гришка с Семкой тронулись с выгона. Бабы долго догоняли их с телятами и ругались:

— Лешие, озорники. То до завтрака ждут чего-то, а то ни свет, ни заря трогают. Чисто побесились.

Гришка отгрызался от них, а Семка, как только в гумнах показывался бабий платок, начинал дрожать: вот придет эта Анна и скажет:

— Идемте в совет!

Они уже были километра за полтора, когда от гумен опять отделилась баба с теленком. Семка подбежал к Гришке.

— Смотри: это она, хозяйка Мишкина.

— Ну да, она. Нарочно для тебя купила нового теленка.

— Да, правда, ведь!—засмеялся Семка.

Баба в припрыжку догоняла их. Гришка нарочно стал пошевеливать скорей стадо, чтобы позлить ее. Но она все-таки бежала скорей и быстро догнала их. Когда она была уже совсем близко, Семка обернулся и вдруг крикнул:

— Гришка, смотри: Мишка, ей-богу он.

— Будет брехать.

— Нет, правда, Гришка, вот посмотри-ка.

Гришка посмотрел и увидел: бежит та девочка, что всегда пригоняла Мишку, а впереди нее и сам Мишка. Гришка здоровыми прыжками кинулся назад и закричал:

— Мишка, Мишенька!

— М-мо-ах!—рявкнул в ответ Мишка.

— Она нарочно,—об'ясняла девочка,—говорит: „Попугать их надо, а то они плохо смотрят". Я на выгон хотела пригнать, да не поспела.

Когда она ушла, Семка сказал:

— Гришка, давай больше никогда не будем мучить телят, ладно?

КИП **ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР**

№10

ЧТО ТАКОЕ ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР? ПИОНЕР, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ СТАТЬ ИНЖЕНЕРОМ, ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ, ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ.

(Из устава КИП'а)

ИЗВЕСТИЯ КЛУБА ИНЖЕНЕР-ПИОНЕРОВ

СВЕТ И СИЛА ПО РАДИО

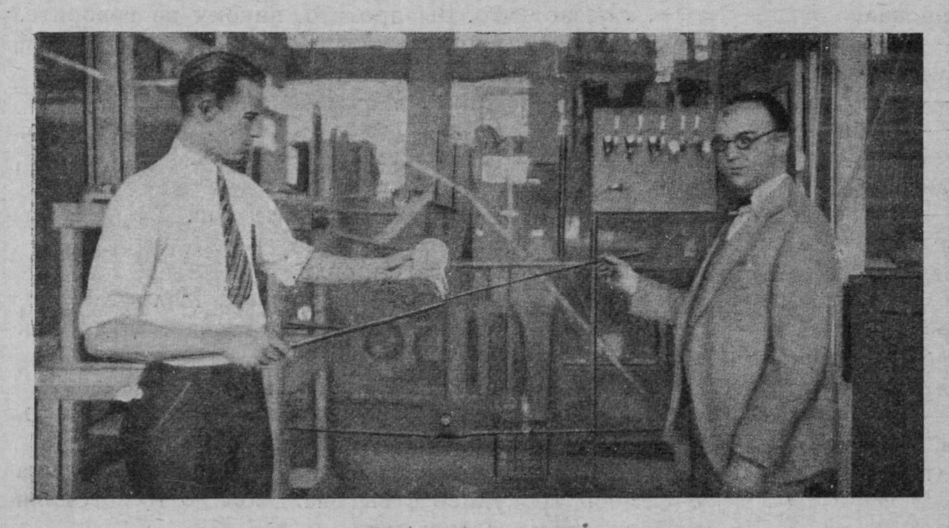

Рис. 1.

Молодой человек самой обыкновенной наружности, совсем непохожий на фокусника, вынул из кармана электрическую лампочку в 200 свечей и сказал

— Зажигайте!

Другой человек, постарше, в круглых очках, тоже непохожий на фокусника, поднес к лампочке металлический прутик и... случилось чудо. Лампочка вспыхнула и ярко осветила комнату, хотя никакой провод не соединял лампочку с осветительной сетью. Лампочка горела сама по себе, как будто брала энергию из воздуха. Когда прутик от лампочки отняли, она погасла. После этого молодой человек достал из шкафа несколько ломтиков колбасы, положил их в стакан и прикоснулся к стакану все той же волшебной палочкой. Колбаса зашипела, как на огне, и запах жареной колбасы разнесся по комнате.

С помощью той же палочки молодой человек заставил закипеть воду в кастрюле, испек яблоко и сварил вкрутую десяток яиц. Потом он отправился в другую комнату и принес оттуда мышеловку. В мышеловке сидела живая мышь. Когда к мышеловке приблизили волшебную палочку, мышь заметалась, забилась и, наконец, упала мертвая.

Все эти опыты были произведены недавно в лаборатории Всеобщей Компании Электричества в Америке.

Человек в очках—это м-р Уайтней, заведующий лабораторией. Он придумал аппарат, передающий электрическую энергию без всяких проводов, по радио. Волшебная палочка, которую он держит в руках, это небольшая антенна. Антенна ловит энергию и передает ее лампочке. Если антенну соединить не с лампочкой, а с кастрюлей, электрическая энергия будет превращаться в тепло и согреет воду.

О том, что по радио можно передавать лекции и концерты, вы слышали и раньше. Но приходилось ли вам слышать, чтобы по радио зажигали и тушили электрическую лампочку, жарили колбасу, пекли яблоки? А между тем ничего нового тут нет. И тогда, когда передают концерт, и тогда, когда по радио пекут яблоки, происходит одно и то же: передается на расстоянии электрическая энергия. Разница только в том, что для передачи концерта нужно отправить в пространство очень немного энергии, а для того, чтобы зажечь на расстоянии без проводов электрическую лампочку или спечь яблоко нужно энергии во много раз больше.

Заслуга Уайтнея в том, что ему удалось построить такой передатчик, который отправляет в пространство сразу очень много энергии.

Со временем люди научатся передавать энергию без проводов фабрикам, кораблям, поездам, самолетам. Самолету не нужно будет брать с собой топливо. Он будет получать энергию с земли—от мощной радио-электростанции. Энергия будет передаваться в самые недоступные уголки земного шара. Полярные льды станут обитаемыми, потому что туда можно будет передавать с юга тепло.

Передача энергии без проводов принесет людям много пользы.

Плохо только то, что самое полезное изобретение люди стараются сейчас же использовать для взаимного истребления. Пока что радиолучами убивают только мышей, но потом доберутся и до людей.

На рисунке 2 изображена радиопушка, к счастью, еще не существующая.

На рис. 3—радио-пушка зажигает неприятельский лагерь. Рисунки эти мы взяли из одного очень распространенного иностранного журнала.

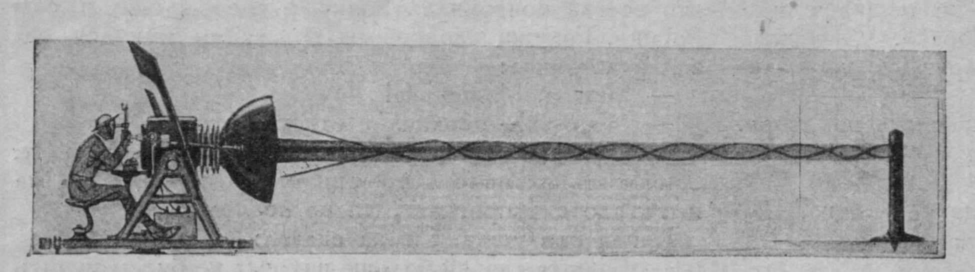

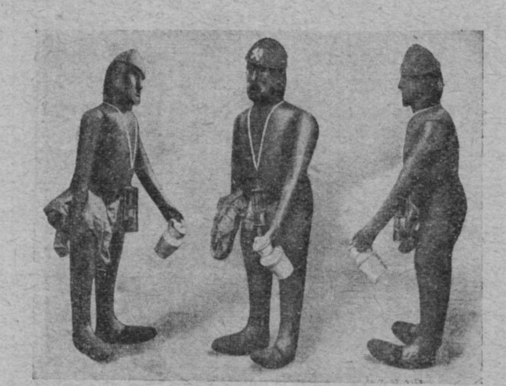
Рис. 2.

Рис. 3.

ШАХТЕРЫ ИЗ ДЕРЕВА

Это не настоящие шахтеры, а куклы. Сделаны они из дерева. Употребляются они вот для чего. В Германии при каждой шахте имеется спасательная команда. Так как настоящие обвалы происходят не часто, «спасатели» обучаются не на живых людях, а на куклах. В шахте, построенной для опыта, устраивают искусственный обвал. Спасатели проникают в обвалившуюся шахту, выносят оттуда пострадавших, делают им искусственное дыхание, кладут на носилки и уносят в больницу.

Зав. клубом инженер ИЛЬИН

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ МОСТ ИЗ СПИЧЕК

Лучшие мосты построили:

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕНКО, ст. Новодеревянковская, Староминского района, Дон. округа. (Рис. 4).

А. БЕССОНОВ, Новочеркасск, Почтовая, 13. (Рис. 5).

АНАТОЛИЙ РЕДЬКО, г. Канск, Сиб. края, Московская, 8, кв. 4. (Рис. 6).

МИХАИЛ ТРАТНИКОВ, уч. 4 гр. Русско-Мотренской школы, Алексеевского района, Острогожского окр., Ц.-Ч. области. (Рис. 7).

КАК МЫ ИСПЫТЫВАЛИ МОСТ

(Из письма М. Тратникова)

Понес я мост в школу. Начали на него класть тяжесть. Положили на мост книгу. Тут все ученики думали: мост сейчас же поломается. Но мост даже не чувствовал на себе тяжести. Взяли с окна цветочный ящик с землей, весом в 6,1 килограмма. Тут все обомлели, что такой вес держит такой маленький мостик. Потом положили большую книгу, потом другую, тогда только послышался легкий треск. Когда мы сняли и свесили, то узнали, что наш мост выдерживает 7,8 килограмма.

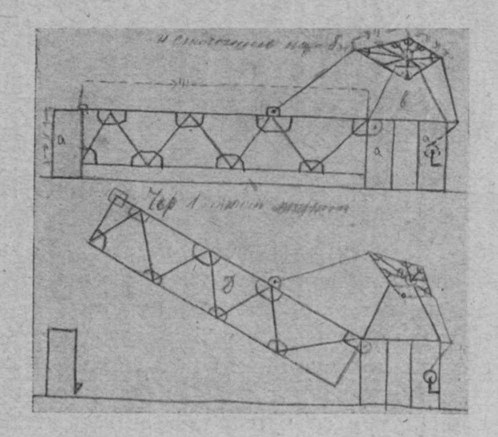

Рис. 4. Подъемный мост. Проект В. Николаенко.

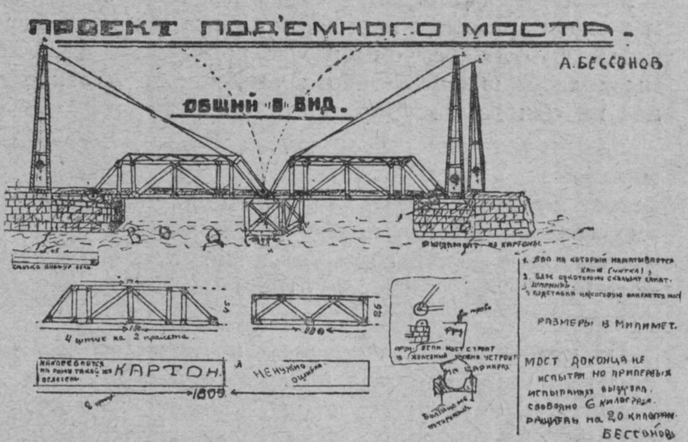

Рис. 5. Подъемный мост. Проект А. Бессонова.

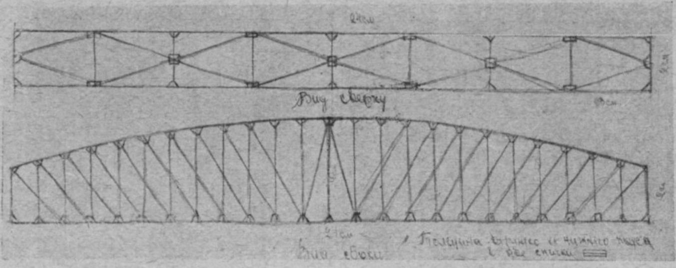

Рис. 6. Железнодорожный мост. Проект А. Редько.

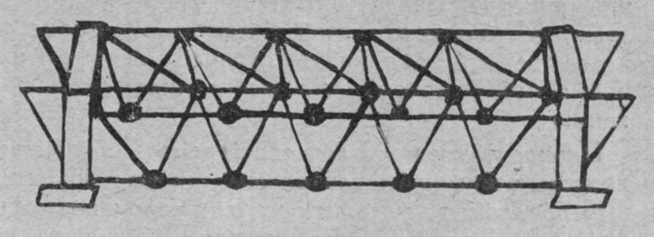

Рис. 7. Железнодорожный мост. Проект М. Тратникова.

НОВЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ПРОФ. ЧЕПУХОВСКОГО

— Что это такое?—спросил меня проф. Чепуховский, указывая на дверь.

— Дверь,—сказал я с некоторым сомнением в голосе.

— Совершенно верно. Это дверь. Но, кроме того, это щипцы для орехов.

Проф. Чепуховский вынул из кармана грецкий орех, вложил его в щель между дверью и дверной рамой и потянул за ручку, раздался треск.

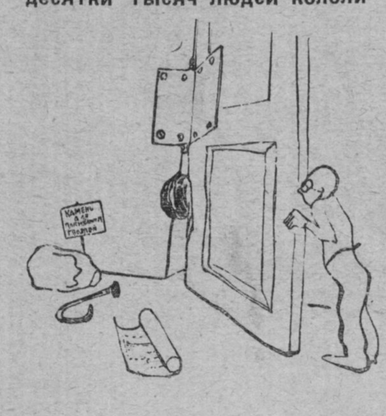
— Вот,—с торжеством сказал проф. Чепуховский, держа на ладони расколотый орех.— Видели?

— Но, ведь, это знают все,— сказал я.—Я и сам в детстве колол орехи этим способом.

— Мой молодой друг, не торопитесь, — сказал проф. Чепуховский.—Вы и тысячи, десятки тысяч людей кололи орехи таким способом. Но я первый сделал на основании этого частного случая открытие необычайной важности: я открыл, что каждая вещь, кроме своего прямого назначения, может служить для самых различных целей. Вот, посмотрите, это мой рабочий стол. Тут все мои инструменты.

Я взглянул на стол. На столе в беспорядке лежали всевозможные предметы. Тут был штопор с отломленным концом, вилка с загнутыми во все стороны зубцами, бритва, зазубренная до такой степени, что напоминала пилу, подкова, булыжник, поломанные ножницы, маятник от стенных часов и еще много других вещей, отнюдь не похожих на инструменты.

— Булыжником я забиваю гвозди,—пояснил мне проф. Чепуховский.—Вот этой бритвой я пользуюсь как отверткой. Правда, бриться ею больше нельзя, к сожалению, но зато она мне заменяет теперь пилу. Этими ножницами я вытаскиваю гвозди. А знаете, для чего этот маятник? Он мне служит одновременно и ложкой и вилкой. Острый конец я втыкаю в мясо, как зубец вилки, а кружком набираю суп, как ложкой. Хорошо придумано, не правда ли?

(Продолжение в след. номере).

С НОВЫМ ГОДОМ!

Много дел делали школьные форпосты в прошлом году. Еще больше придется поработать в этом году. Те ребята, которые читают журнал «Пионер», обменивались на его страницах опытом своей работы. Давайте это делать и в этом учебном году.

Пишите нам о ваших школьных делах, успехах и неудачах, пишите, как вы боретесь с неграмотностью, прогулами, антисемитизмом, как проходят кампании и т д.

ПЯТНАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ ПАРТ

Если считать, что на каждой парте сидят два школьника, то для того, чтобы обучать всех ребят, нам нужно пятнадцать миллионов парт,—легко догадаться, что всех ребят тридцать миллионов. Тридцать миллионов это—население порядочного государства. И вот в этом детском государстве половина учится в школах, а половина совсем не учится. Если они вырастут и останутся неграмотными, значит у нас половина населения будет неграмотна.

Мы должны построить социализм в нашей стране, мы строим новые заводы, огромные совхозы—зерновые фабрики, строим целые города. За пять лет мы должны шагнуть вперед так, как не шагало до нас ни одного государство в мире.

За пять лет наша школа должна принять пятнадцать миллионов новых школьников, десятки тысяч деревьев будут срублены на карандаши, цистерны чернил должны извести новые школьники, небоскребы учебников и целые горы тетрадей. Все это нужно, потому что трудно неграмотным людям неумелыми руками построить социалистическое общество.

По квартирам, по чердакам и подвалам должны пройти пионерские отряды для того, чтобы найти неграмотных, неучащихся ребят, привести их в школы, снабдить учебниками и усадить за парты. Пионеры должны проверить: куда идут деньги, которые государство дает для помощи детям рабочих и бедных крестьян, у которых плохое материальное положение.

У нас обучение бесплатное. Оно бесплатно для детей трудящихся, но государству недешево обходится обучение школьника. Каждый школьник стоит государству 25 рублей в год. Если школьник остается на второй год, он стоит еще 25 рублей, а если на второй год осталось больше полуторамиллиона школьников, то это обошлось в 40 миллионов рублей. Сколько же фабрик съедают второгодники?

Мы находим, что у второгодников слишком большой аппетит. Нельзя питаться фабриками и заводами, как будто это хлеб с маслом. А, кроме того, класс не может принять столько, сколько нужно новых ребят, потому что места заняты второгодниками.

Пионер должен считать своей первой обязанностью помощь отстающим товарищам. Пионер должен первым предложить устроить кружок малоуспевающих в классе, устроить для них читальню, уговорить знающих ребят позаниматься с неуспевающими.

ЯЙЦА КУРИЦУ УЧАТ

И еще как учат. Дочери обучают матерей грамоте, братья — младших сестер, школьники — товарищей по двору, а один ликвидатор обучил своего деда, и дед написал об этом письмо в редакцию журнала „Пионер". Этот дед не обижен тем, что его выучил внук и письмо его начиналось так: „Яйца курицу учат".

Мы не приводим фактов, потому что их тысячи, и они все похожи друг на друга. Но это ничего Пусть они будут похожи друг на друга, и пусть их будет все больше, больше и больше.

Мы решили добиться того, чтобы за пять лет все дети учились в четырехлетке. Охватить всех четырехлеткой это значит не только начать учить ребят, но и закончить их обучение. А у нас при переходе из первой группы во вторую уходят из школы 20 человек из сотни, при переходе из второй группы в третью уходят 30 человек и из третьей в четвертую около 40 на каждую сотню школьников.

Уходят ребята из школы опять-таки потому, что они плохо обеспечены самым необходимым.

Не кончив четырехлетки, ребята не могут быть хорошо грамотными людьми. Плохо грамотный человек не может быть квалифицированным рабочим. Мы должны воспитать хорошо грамотных людей.

ПИОНЕРЫ, НА ЛИНИЮ ОГНЯ!

Устраивайте бесплатные завтраки, организуйте кассу взаимопомощи, продавайте коллективно собран-

Яйца курицу учат.

Не зевай! Руки у классового врага загребущие.

ный бумажный лом, лекарственные травы. Ставьте спектакли.

Добивайтесь, чтобы все деньги, которые дает государство для помощи нуждающимся ребятам, не мариновались в кассах, требуйте отчетов в этих деньгах. Помните, что нам нужно всех обучить в советской школе, отвоевать ребят от неграмотности и религии—двух неразлучных друзей.

Из города Азова пишут, что в кассе горсовета лежит больше 350 рублей, предназначенных для школьников. Они не истрачены. А тем временем попы приглашают ребят ходить в церковь, обещая им одежду и обувь.

Вы видите: стоит только зевнуть, и классовый враг готов захватить ребят загребущими руками попов.

ПИОНЕРЫ, ЗОРЧЕ НА ФОРПОСТАХ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ!

Забравшись с ногами на кровать и носом уткнувшись в Майн-Рида, отважный пионер со страницы на страницу стойко защищает форпост от длительной осады индейцев. Три месяца кровожадные сиуксы держат в форпосте военный отряд. У него давно нет вина, воды, хлеба, маиса, патронов, а отважный пионер все читает, читает, читает. Был бы он здесь, схватил бы он лассо в одну руку, ружье в другую, томагавк в третью.

Но у пионера нет трех рук, томагавк не нужен в Советской стране, а школьный форпост совсем не такой, как у Майн-Рида, и делать там нечего.

Но это неправда. И герои нам нужны не такие, как наш пионер. На наших форпостах нужны герои социалистического дела, а не майн-ридовских томагавков.

Вот в 36-ой школе Хамовнического района в Москве пионерский форпост был осажден и не выдержал, сдался без боя антисемитизму и национальной ненависти. Когда в 36-ой школе ХОНО кучка исключенных из школы хулиганов и группа несознательных школьников травили, издевались и избивали учащихся-евреев, форпост остался посторонним наблюдателем и не только томагавком, пальцем не шевельнул, чтобы организовать школьников против антисемитов. А быть только зрителями в таком деле—значит помогать классовому врагу.

Такой форпост—конечно, исключение. Но в наших школах форпосты не всегда являются передовым постом отряда. Пионеры в школе часто даже незнакомы друг с другом.

Форпост должен распространять идеи пионерской организации среди школьников. Форпост должен влиять на всю школьную детвору, чтобы знамя пионерской организации высоко стояло в глазах школьников, чтобы все школьники заражались примером пионеров. Для этого форпост по-настоящему должен быть зачинщиком всех интересных и полезных дел в школе. Быть зачинщиком, значит сразу откликаться на все нужды школы, выдумывать, изобретать, организовывать ребят на боевые и нужные дела.

Подготовку перевыборов советов хорошо провел один форпост. Пионеры подталкивали учком, тормошили заведующего, агитировали школьников и к перевыборам советов на улицы вышла огромная демонстрация против пьянства, во главе с одним из родителей, который дал зарок не пить под влиянием своего сына-пионера.

На демонстрацию вышли школьники, материю на плакаты дал заведующий, собирал собрание учком, но пионеры, как маленькие нервы в неповоротливом теле школы, заставляли его шевелиться, поворачиваться, пока оно само не задвигалось собственными мускулами, собственными силами.

Вот, товарищи—отважные пионеры, задача более достойная, чем преследовать индейцев, забравшись с ногами на кровать.

Форпост должен на свои плечи взять организацию внешкольной работы. Пионеры должны добиться, чтобы клубный день не был скучным, хотя и свободным от уроков днем. Форпост в клубный день должен взять школу за руку и вывести из школьного здания. Показать производство, свою фабрику, свой завод сотням школьников. Познакомить школу с окружающим ее миром. А то у старой тетушки-школы болезнь что-то вроде ревматизма, который держит ее, не выпуская, в стенах классных помещений.

У нас на носу новая большая задача—удлинить школьный год. Вся страна переходит на беспрерывную рабочую неделю. Станки будут работать с полной нагрузкой, печи не будут остывать, фабричные корпуса не будут пустовать раз в неделю. Нам надо добиться того, чтобы школа наша работала круглый год за счет больших каникул зимой и весной.

Форпост должен во-время подумать об этом всеми своими головами.

Нам не нужны майн-ридовские герои.

КЕМ Я ХОЧУ БЫТЬ?

(ПОД РЕДАКЦИЕЙ КУЗЬКИ)

УРА! РЕБЯТА!

Долго меня не было. И очень я соскучился и по журналу и по деткорам. Насилу мне удалось сбежать от Хармса. Вот уж никогда не думал, что он такой!! Ну ладно, я это ему еще припомню.

А теперь у меня дела очень много. Сейчас, например, буду составлять отдел «Кем я хочу быть». Заметок много, какие выбрать? Почитаем. Впрочем, нет, посмотрю лучше сначала, о чем вы писали в предыдущих номерах журнала «Пионер».

БО-ОЛЬШУЩАЯ РАЗНИЦА

Ого, как интересно! Хотите вы, ребята, быть инженерами, учеными, командирами, учителями, агрономами, летчиками, кино-актерами и т. д. и т. д. Вот это здорово! Прямо так и видно, что настоящая смена растет! А только... только... (ой, боюсь говорить!) Разные все ребята писали. Одни, например, настоящие...

«Хочу командовать корпусом».

...ФАНТАЗЕРЫ

Вот, например, И. Которовский (см. № 3) хочет строить мосты. Это, конечно, хорошо. Но что он делает для того, чтобы стать таким инженером? И почему он до сих пор не записался в члены КИП'а? И сделал ли он хотя бы спичечный мост?

А. Резницкий пишет (см. № 4), что хочет быть командиром корпуса, будет сражаться и все такое... А ты, Резницкий, учишься стрелять? Ваш отряд держит связь с Красной армией? Организуешь ли ты военные игры, походы?

П. Квитко (см. № 8) хочет быть летчиком. Во время войны он собирается «метко поражать врага» сверху, а в мирное время «бороться с врагами земледелия». Его желание я очень даже приветствую (вообще летать на аэроплане здорово хорошо). Только кажется мне, что он не знает, что такое пулемет, из которого он собирается поражать врага, что это за «враги земледелия» и как с ними борются. Мне даже кажется, что он в кружке Осоавиахима не записан.

Много таких заметок напечатано в журнале и еще больше лежит передо мной (я думаю, что они даже в мою шляпу не уместятся).

Вот я теперь и думаю—будут ли эти ребята тем, чем они хотят? Помоему, не будут, потому что ничего не делают для достижения своей цели. И, наверно, даже не знают хорошенько, кем они хотят быть.

ДЕЛЬНЫЕ РЕБЯТА

Зато есть другие ребята—они меньше фантазируют и выдумывают, зато больше делают.

Например, В. Леванидова (см. № 8). Она хочет быть натуралистом. И наверно, она им сделается, потому что она уже работает. Кружка юннатов у них нет, а она не унывает: читает журнал «Юный Натуралист» и, пользуясь напечатанным там материалом, работает одна. Кроме того просит, чтобы ей указали нужную литературу.

Или вот еще. М. Перельман хочет быть токарем: поступил в профшколу и старается изо всех сил, чтобы в токарный цех перейти. Думаете—не перейдет? Обязательно перейдет. А почему? Потому что он не только мечтает, а еще и работает!

Очень жалко, что не все ребята так делают, а только немногие.

СТРАННЫЕ ЛЮДИ

Это Шура Климова и Луиза Литвинова. Они, наверно, хотят перещеголять друг друга. Шура Климова желает два миллиона в год получать—Луиза Литвинова жить на те деньги, которые будут ее беспризорные зарабатывать. Шура хочет иметь дом с обстановкой. Луиза тоже. Прямо соревнование между собой устроили.

И хоть вы их, ребята, и очень ругаете, а все-таки вам у них кое в чем поучиться надо. Шура задумала стать кино-артисткой—с отцом рассорилась, чуть не «зайцем» в Москву приехала и готовится для поступления в кино-техникум. Луиза Литвинова в своей комнате целый спортивный зал устроила и занимается там.

Обе они очень упорно стремятся к своей цели. Вот этому-то вам у них и надо поучиться. А то большинство из вас, дорогие ребята, только думаете, а делать—ничего не делаете.

ЖУРНАЛЫ НА ПОЛКУ

Ну, хватит, положу журналы на полку. А то вам, наверно, скучно старые номера просматривать. Буду теперь заметки отбирать для печатания.

Это что за заметка? Подпись неразборчива... «хочу быть индийским магом»... Ишь—ты! Не-ет, шалишь, не пойдет!

Дальше! Ага, что-то интересное—так целиком и напечатаем:

БУДУ МАСТЕРОМ

Мне сейчас 15 лет. Я учусь в фабзавуче на заготовщика обуви. С 8 ч. утра до 11 ч. 30 м. мы занимаемся учением. С 12 до 2 ч. работаем в мастерской. С 2 до 3 ч.—обед, а с 3 до 5 ч. опять работаем. Дела мои обстоят сейчас хорошо. Если моя работа и учеба пойдут и дальше так, то я думаю, что скоро буду мастером-заготовщиком.

Москва А. ЗАМЯТИН

Дальше... «хочу сделаться алхимиком и научиться превращать цветную капусту в золото». Хм, гм, ничего не понимаю! Да и никто, наверно, не поймет.

Знаю, что я сделаю: в этот номер журнала подберу заметки тех ребят, которые уже сейчас работают для достижения своих целей.

Итак, начинаю.

ЗАПИСАЛСЯ В РАДИО-КРУЖОК

Мое стремление—стать радистом и работать на коротких волнах. Я мечтаю о том, как я буду работать среди многих товарищей в Красной армии.

Для достижения своей цели я в начале этого года записался в радио-кружок при нашем детдоме. Но я думаю, что лучше поступить на радио-курсы, поэтому, дорогая редакция, скажи мне, как туда поступить.

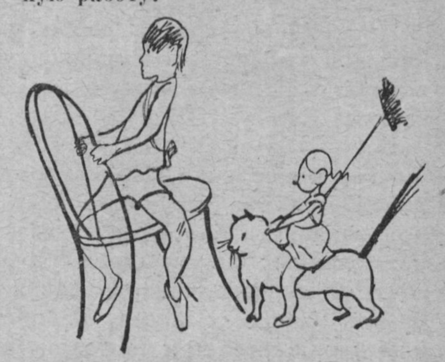
Г. Уфа. Павел ТУТЫШКИН

Знаешь, Павел, сейчас попрошу, чтобы тебе написали письмо и сообщили в нем о том, что тебя интересует.

КУЗЬКА

МЫ—ВИНТИКИ

Я—деревенский мальчик. Кончил в деревне три группы и в г. Луганске четвертую. Учиться дальше нет средств. А хочу я быть культурным хлеборобом или служащим в деревне. Если буду служащим, то буду давать крестьянам всякие советы, за которыми они будут приходить ко мне. Буду бороться против попа и кулака, буду бороться за культурное ведение сельского хозяйства. Лучше я когда-нибудь останусь голодным, но буду выполнять общественную работу.

Будущий кавалерист...

Сейчас я работаю в сельсовете—помогаю секретарю.

Сейчас мы маленькие винтики в строительстве социализма, но если мы не будем активно работать, то и эта машина будет плохо работать.

С пионерским приветом

Шура ШЛЯХТИН

Александровка, Сев.-Кав. край

Правильно, Шура, надо быть активным. Только если ты учиться не можешь, то читай побольше книг, журналов и газет. Ведь, тебе надо много знать для того, чтобы хорошо работать в деревне.

КУЗЬКА

ХОЧУ БЫТЬ УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Я очень люблю иностранные языки, и они мне легко даются.

Сейчас я изучаю немецкий язык в школе, по «Пионерской Правде» и беру два раза в неделю уроки немецкого и один раз—английского языка. Кроме того, я выписала на 6 месяцев газету немецких пионеров.

Когда кончу пятилетку—поступлю на курсы иностранных языков.

Пионерка К. ГОЛЬЦОВА

Ветлуга

Видите, ребята, как она здорово действует!! Она обязательно достигнет своей цели.

Только знаешь что, Гольцова, я слышал, что учительницей иностранных языков можно сделаться окончив вуз. Так что ты лучше кончай вторую ступень, а потом иди в вуз.

КУЗЬКА

ЛЮБЛЮ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Я хочу быть техником отчасти потому, что буду приносить пользу Советскому Союзу, и отчасти потому, что я люблю делать разные опыты с электричеством и делать модели.

У меня есть библиотечка всего из трех книг. Это очень мало и я прошу редакцию сообщить мне, где можно приобрести книги по технике (как самому сделать динамо-машину, электромотор, отражательный фонарь, телеграф, телефон и т. д.) и какой лучше читать журнал или газету юных техников.

Я обязательно буду техником. Как только окончу вторую ступень, то поступлю на электро-технический факультет.

Я думаю, что принесу больше пользы, чем Шура Климова.

Ну, а пока до свиданья.

Привет Кузьке.

С пионерским приветом—будущий электротехник Петр ЕГОРОВ

П. о. Чернь, Тульской губ.

Я забыл спросить, как стать членом КИП'а.

За привет—спасибо! Шлю тебе тоже привет.

Книги, о которых ты пишешь, можно выписать по следующему адресу: Москва, Тверская ул., д. № 26, «Дом юношеской и детской книги».

Журнал лучше всего читай «Знание—Сила». Выписать его можешь у себя на почте, или же по тому же адресу, что и «Пионер».

Стать членом КИП'а очень просто—напиши в КИП заявление и присылай модели, проекты и чертежи.

Вот и будешь членом КИП'а.

Прощай! Пиши еще.

КУЗЬКА

Ну, вот, ребята, я вам показал нескольких человек, которые и помечтать не прочь, но главным образом работают.

Насчет индийского мага, алхимика, цветной капусты и золота—это я просто из головы выдумал, чтобы вам интересней было читать. На самом деле таких заметок не было.

А теперь давайте не только говорить и воздушные замки строить, но и дело делать. Редакция журнала «Пионер» помещает разные справки: как поступить в ФЗУ, в ШКМ, в школу, на биржу труда и т. д.—пользуйтесь этими справками. Кроме того, спрашивайте редакцию письменно обо всем, что вас интересует,—а я уж постараюсь, чтобы вам быстро отвечали.

Поменьше слов—побольше дела.

Ваш КУЗЬКА

Он мечтает быть капитаном...

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА „ПИОНЕР“

Дорогой Миша! Мы получили твое письмо, в котором ты пишешь о твоем желании стать квалифицированным мастером. Этому твоему стремлению мы очень рады. Стране дозарезу нужны новые кадры квалифицированных рабочих, агрономов, техников, инженеров и т. д. Ты наверное читал в нашем журнале очерки о пятилетке, о том, какими гигантскими шагами будет строиться первое в мире социалистическое государство. Но тебе должно быть известно и то, что это строительство проходит в труднейших условиях. Тут нужны не просто рабочие и инженеры, а новые люди, такие люди, которые готовы итти на всякие лишения, которые готовы бороться за новый рациональный труд, за социалистическое соревнование. Тут нужны люди, которым превыше всего будут общественные интересы, интересы рабочего класса.

И больно читать в твоем письме те строки, в которых ты мечтаешь о большом жаловании, о тихом мещанском уюте. Пойми, Миша, что с этими стремлениями ты не вырастишь из себя хорошего ленинца. Сколько тысяч людей погибло за революцию в тюрьмах, каторгах, ссылках. Как тернист был путь к нашим дням, дням строительства новой жизни. И какими жалкими ничтожными кажутся мечтатели кинославы и большого жалования по сравнению с этими мужественными революционерами, гордо погибавшими на революционном посту.

Оглянись вокруг себя. Вот строится новая жизнь, вот честные, сознательные рабочие, отдающие все свои силы, волю и энергию на дело революции, вот старые большевики, вся жизнь которых сплетена с судьбами революции, вот люди, на груди которых красуются ордена Красного знамени за геройские подвиги.

А вот самодовольные мещане, мечтающие о тихом уюте, об обстановке с канареечкой. Им наплевать на наше строительство, на великое дело социализма. Вот карьеристы, подхалимы, бюрократы, примазавшиеся к нашей партии и власти, использующие свое положение для личных выгод, для личной славы.

С кем ты пойдешь, Миша? Задумайся над этим хорошенько, посоветуйся с товарищами по звену, по классу и обязательно напиши нам.

С товарищеским приветом редактор „Пионера“

И. РАЗИН

Отряды! Школы! Проводите дискуссии по вопросу „Кем я хочу быть“, обсуждайте письмо Шуры Климовой.

НАКАЗ

ФОРПОСТАМ,

ШКОЛАМ,

ШКОЛЬНИКАМ

и ПИОНЕРАМ

УВЕЛИЧИТЬ ТИРАЖ В 10 РАЗ

В 1930 ГОДУ ОБЯЗАТЬ ВСЮ ДЕТВОРУ ВЫПИСАТЬ ЖУРНАЛ «ПИОНЕР» ПО РАЗВЕРСТКЕ: НА 10 ЧЕЛОВЕК ОДИН ЖУРНАЛ

ПОЧЕМУ?

ПОТОМУ, ЧТО В ЭТОМ ГОДУ

«ПИОНЕР»—в лучших художественных произведениях, стихах и рассказах любимых детских писателей устраивает смотр социалистического соревнования в отрядах и школах, проверяет первый год пятилетки

«ПИОНЕР»—дает указания молодым инженерам-пионерам в отделе „КИП", как участвовать в социалистическом строительстве, как проводить пятилетку

«ПИОНЕР»—в отделе „Делай все сам" помещает статьи инженеров и профессоров. Каждый может стать мастером на все руки

«ПИОНЕР»—устраивает всесоюзную перекличку—конференцию читателей. Обсуждает все новые и лучшие детские книги

«ПИОНЕР»—организует через художественные произведения выставку чудаков и вредителей

«ПИОНЕР»—организует конкурс на лучшие стихи и рассказы деткоров

«ПИОНЕР»—в занимательных очерках рассказывает будни социалистического строительства, о новых фабриках, заводах, о том, как пятилетка претворяется в жизнь

«ПИОНЕР»—дает советы читателям „как выйти в люди", обсуждает самые злободневные и волнующие вопросы детского быта

ТОРОПИТЕСЬ ПОДПИСАТЬСЯ

Подписку направлять по адресу: Москва, Новая площадь, 6

УСЛОВИЯ: на 1 год—3 руб.; на 6 мес.—1 р. 60 к.; на 3 мес.—85 к.

Редколлегия: Н. Булатов, И. Желобовский, Б. Ивантер, И. Разин, М. Эпштейн. Отв. редактор И. Разин.

Москва. Главлит А 47.131 Изд. № 3697. „Мосполиграф", 16-я типография, Трехпрудный, 9. 30.000 экз.